

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-2-2
УДК 94 (436) "1774"

Эва Ринг-Агне¹

Доктор философии, профессор
кафедры истории Восточной Европы,
Будапештский университет им Л. Этвёша,
(Будапешт, Венгрия)
ring.eva@btk.elte.hu

Éva Ring-Ághné
PhD, Titular Professor,
History Faculty, Eastern-European History Department,
Budapest University of Loránd Eötvös
(Budapest, Hungary)
ring.eva@btk.elte.hu

Пребывание австрийского коммерции советника Карла Цинцендорфа в Москве

(по материалам дневника 1774 г.) *

Austrian Councillor of Commerce Karl von Zinzendorf's Stay in Moscow (Based on His Diary of 1774)

Аннотация. Граф Карл фон Цинцендорф, коммерции советник венского двора, после ряда долгих европейских путешествий в 1774 г. посетил Москву. В дороге его сопровождал португальский герцог дон Жуан де Браганса. С 6 по 11 августа они остановились в Немецкой слободе у винооторговца Луи. В Москве путешественники встретились с ведущими российскими политиками – князем М.Н. Волконским, графом Ф.А. Остерманом, графом П.Б. Шереметевым, оказались свидетелями того, как графы Н.В. Репнин и С.Р. Воронцов привезли с театра военных действий мирный договор, подписанный в Кючук-Кайнарджи. Путешественники побывали в Воспитательном доме, книжных лавках Рюдигера и Вебера, стали свидетелем

¹ Перевод с венгерского языка О.В. Хавановой.

Translated from Hungarian into Russian by O.V. Khavanova.

* Для цитирования: Ринг-Агне Э. Пребывание австрийского коммерции советника Карла Цинцендорфа в Москве (по материалам дневника 1774 г.) // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2019. Т. 3. № 2. С. 590–626. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-2-2

For citation: Ring-Ághné, É. "Austrian Councillor of Commerce Karl von Zinzendorf's Stay in Moscow (Based on His Diary of 1774)." *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 2 (2019): 590–626, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-2-2>

© Ринг-Агне Э., 2019

© Ring-Ághné É., 2019

лями венчания по православному обряду, посетили Кусково – летнюю резиденцию графа Шереметева, познакомились с русской баней и сделали покупки в лавках Китай-города.

Ключевые слова: австрийский коммерции советник, путешествие, почтовая станция, карета, граница, большой город, баня, дворец, постоялый двор, аристократия, коммерсант-банкир, война, мир, Кремль, Воспитательный дом, собор, колокол, летняя резиденция.

Abstract. After a number of longer European journeys, Count Karl von Zinzendorf, the councillor of commerce of the Vienna court, visited Moscow in 1774. He was accompanied by the Portuguese Duke Don Juan de Braganza. Between August 6 and 11, 1774, they stayed in German Quarter (Nemetskaya Sloboda), at the place of a wine merchant called Louis. In Moscow the travellers met the leading politicians of the Russian Empire: Prince Mikhail Volkonsky, Count Fedor Ostermann, and Count Petr Sheremetev. They witnessed the moment when Count Nikolay Repnin and Count Semen Vorontsov brought the signed peace treaty of Kuchuk-Kainarji directly from the battlefield. They visited the Moscow Orphanage and the bookstore of Rüdiger and Weber, saw a traditional wedding ceremony in a Greek Orthodox church, visited Kuskovo Estate, a summer residence of Count Sheremetev at that time, attended a Russian bathhouse, and made shopping in Kitay-Gorod.

Key words: Austrian councillor of commerce, journey, post relay, carriage, border, city, Russian bathhouse, palace, inn, aristocracy, merchant and banker, war, peace, Kremlin, Moscow Orphanage, cathedral, bell, summer residence

Статья написана и переведена на русский язык при финансовой поддержке совместного проекта РФФИ и Фонда поддержки русского языка и культуры (Венгрия) «Монархия Габсбургов: новые направления в изучении экономического, социально-политического и национального развития композитарного государства Центральной Европы», № 19-59-23005.

The article was written and translated from Hungarian with financial support of the joint project of the Russian Foundation for Basic Research and the Foundation for Support of the Russian Language and Culture (Hungary) “The Habsburg Monarchy: new trends in research of economic, sociopolitical and national development of the Central-European composite state,” No 19-59-23005

Одним из величайших путешественников XVIII в. был, вне всяких сомнений, граф Карл фон Цинцендорф¹, объехавший всю Европу, побывавший в

¹ Практически полный список литературы о К. Цинцендорфе см.: *Karp S. Les livres et les gens du livre dans le voyage de Karl von Zinzendorf en Russie (1774) // La prosopographie des hommes du livre. Actes du colloque organisé à l'enssib, Villeurbanne, par le Centre de Recherche en Histoire du Livre les 22 et 23 avril 2005 / Ed. F. Barbier, D. Varry, J. Guilbaud. P. 62–74. URL: <https://www.enssib.fr/bibliotheque-numerique/notices/1459-la-prosopographie-des-hommes-du-livre> (дата обращения 08.12.2018).*

Швейцарии², Франции³, Бельгии⁴, Испании⁵, Великобритании⁶, а также таких уголках континента как Сицилия⁷, Португалия, Венгрия⁸ и Трансильвания. В статье речь пойдет об одном эпизоде последнего большого путешествия – пребывании в Москве в 1774 г. По пути он посетил Галицию, Подолию, Буковину, Польское Королевство, Литву, Россию, на обратном пути побывал в Финляндии, Швеции и Дании. Однако эту довольно просторную часть его дневников мы оставим в стороне. По нашему мнению, путевые заметки заслуживают большей известности в широких читательских кругах, прежде всего, потому, что содержат впечатления и размышления эрудированного, свободного от предрассудков путешественника, склонного к довольно объективному сопоставлению различных частей Европы.

Международный коллектив историков под руководством Г. Клингенштайн многие годы работал над критическим изданием дневников путешествий Карла фон Цинцендорфа⁹, в том числе – его поездок в Польшу и Россию. Российский историк С.Я. Карп полностью подготовил издание российской части дневника,

² *Watzlawick H.* Un été pluvieux dans la vie du comte de Zinzendorf. Souvenirs météorologiques d'un voyage en Suisse // C'est la faute à Voltaire, c'est la faute à Rousseau [Mélanges Jean-Daniel Candaux] / Éd. R. Durand. Geneva: Droz, 1997. P. 141–153.

³ *Klingenstein G.* Karl von Zinzendorf, un économiste autrichien en France, 1764–1769 // Mozart: les chemins de l'Europe [colloque, Strasbourg, 1991] / Dir. B. Massin. Strasbourg: Éd. du Conseil de l'Europe, 1997. P. 71–75.

⁴ *Langfelder E.M.* Les Séjours en Suisse, en France et en Belgique du comte de Zinzendorf d'après son journal, 1764–1770. Szeged: Institut français de l'Université de Szeged, 1933; *Zinzendorf K., von.* Journal. Chronique belgo-bruxelloise, 1766–1770 / Éd. G. Englebert. Bruxelles: Hayez, 1991.

⁵ *Klingenstein G.* Spanien im Horizont der österreichischen Aufklärung. Zinzendorfs Kommerzialisreise nach Spanien im Jahre 1767 // Geschichtsforschung in Graz: Festschrift zum 125-Jahr-Jubiläum des Instituts für Geschichte der Karl-Franzens-Universität Graz / Éd. H. Ebner, H. Haselsteiner, I. Wiesflecker-Friedhuber. Graz: Selbstverlag des Instituts für Geschichte an der Karl-Franzens-Universität Graz, 1990. S. 115–126.

⁶ *Fattinger E.* Gestaltung und Gewinn einer «Auftragsreise»: Karl Graf Zinzendorf in Großbritannien (1768) // Europareisen politisch-sozialer Eliten im 18. Jahrhundert. Theoretische Neuorientierung–kommunikative Praxis–Kultur- und Wissenstransfer / Éd. J. Rees, W. Siebers, H. Tilgner. Berlin: Berliner Wissenschaftsverlag, 2002. S. 129–158.

⁷ *Faber E., Garms-Cornides E.* Die «Entdeckung» Siziliens zwischen Kreuzfahrt, Kommerzreise und Grand Tour. Zinzendorf versus Riedesel // Grand Tour: adeliges Reisen und europäische Kultur vom 14. bis zum 18. Jahrhundert [colloque, Villa Vigoni-Paris, 1999–2000] / Éd. R. Babel, O.J. Thorbecke. Ostfildern: Thorbecke, 2005. P. 341–356.

⁸ *Balázs É.* Karl von Zinzendorf et ses relations avec la Hongrie à l'époque de l'absolutisme éclairé. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975.

⁹ См.: Europäische Aufklärung zwischen Wien und Triest: Die Tagebücher des Gouverneurs Karl Graf von Zinzendorf 1776–1782 / Hrsg. von E. Faber, G. Klingenstein, A. Trampus et al. 4 Bde. Wien: Böhlau, 2009 (Veröffentlichungen der Kommission für Neuere Geschichte Österreichs. Bd. 103).

но по причинам организационного характера публикация материалов польско-русского путешествия отложена на неопределенное время¹⁰. Предлагаемая вниманию читателя статья призвана привлечь внимание исследователей к ценности этого источника. Выбор именно московских страниц дневника объясняется меньшей по сравнению с Петербургом известностью впечатлений иностранных путешественников второй половины XVIII в. о древней русской столице. Но прежде, чем мы перейдем к истории путешествия, скажем несколько слов об авторе.

Граф Карл фон Цинцендорф как ландкомтур Австрийской провинции секуляризованного Тевтонского ордена

Карл фон Цинцендорф-унд-Поттендорф¹¹ родился в 1739 г. в Саксонии. Он доводился племянником знаменитому графу Николасу Людвигу фон Цинцен-

¹⁰ См.: *Карл С.Я. Тевтонский рыцарь в России 1774 года // Общественная мысль в контексте истории культуры / Отв. ред. О.Ф. Кудрявцев. М.: Наука, 2004. С. 253–276.*

¹¹ См. (авто)биографические и генеалогические очерки: *Ludwig und Karl Grafen und Herren von Zinzendorf. Ihre Selbstbiographien nebst einer kurzen Geschichte des Hauses Zinzendorf / Hrsg. von G. Graf von Pettenegg. Wien: W. Braumüller, 1879. Bd. 9; Wurzbach C. Zinzendorf Karl, Graf // Biographisches Lexikon des Kaiserthums, enthaltend die Lebensskizzen der denkwür-*

дорфу (1700–1760), который в своем поместье в силезском Херрnhуте (Гернгуте) воссоздал церковь чешских братьев¹² и сам ее возглавил. При рождении Карл был крещен по лютеранскому обряду. В 1756–1761 гг. он изучал право в Йенском университете. Затем по совету сводного брата Людвига, который к тому времени уже переехал в Вену¹³ и ради закрытой для протестантов административной карьеры перешел в католичество, принял решение о переезде в Австрию. Людвигу быстро удалось привлечь к себе внимание Венцеля Антона Кауница, будущего государственного канцлера, что несомненно, способствовало его карьере, и вскоре он уже слыл признанным знатоком экономики в Габсбургской монархии. Это помогло ему поддержать брата Карла, которого быстро приняли в Нижне-австрийскую торговую палату, а затем ввели в венский придворный Совет по торговле. В 1764 г. он тоже принял католичество, позднее вступил в Тевтонский орден. Вскоре его отправили в «grand tour», во время которого Карл был обязан писать длинные отчеты об экономическом положении других стран¹⁴. В этих поездках он основательно изучил горное дело, сельское хозяйство, мануфактурное производство, строительство каналов, принципы работы таможи. Поступив на службу, он по поручению и за счет венского двора путешествовал почти 12 лет, изучая секреты экономического роста и развития товарообмена. По возвращении из путешествия, о котором пойдет речь ниже, Карла фон Цинцендорфа назначили губернатором Триеста¹⁵, затем советником по экономике при Иосифе II. Впрочем, отношения между ними не заладились, и в 1785 г. мы встречаем Цинцендорфа в рядах решительных критиков политики

digen Personen, welche seit 1750 in den österreichischen Kronländern geboren wurden oder darin gelebt und gewirkt haben. Wien, 1891. Bd. 60. S. 160–164.

¹² Община чешских братьев была запрещена во владениях Австрийского дома после подавления восстания чешских сословий 1618 г., послужившего одним из непосредственных поводов к началу Тридцатилетней войны (1618–1648).

¹³ См.: Wien von Maria Theresia bis zur Franzosenzeit: aus den Tagebüchern des Grafen Karl von Zinzendorf / Ausgewählt von H. Wagner. Wien: Wiener Bibliophilen Gesellschaft, 1972.

¹⁴ Karl Graf von Zinzendorf. Aus den Jugendtagebüchern, 1747, 1752 bis 1763 (nach Vorarbeiten von H. Wagner) / Éd. M. Breunlich, M. Mader. Wien; Köln; Weimar, 1997.

¹⁵ См.: *Trampus A.* Economia e stato delle riforme nel litorale austriaco dal diario del conte Zinzendorf (1771) // *Archeografo Triestino*. 1990. Т. 50. P. 67–106; *Europäische Aufklärung zwischen Wien und Triest: Die Tagebücher des Gouverneurs Karl Graf von Zinzendorf 1776–1782* / E. Faber, G. Klingenstein, and A. Trampus, eds. Vienna: Böhlau, 2009; *Trampus A.* Karl von Zinzendorf tra Maria Teresa e Giuseppe II // *Quaderni giuliani di storia*. 1993. Т. 14. P. 45–55; *Trampus A.* All’orizzonte degli slavi del sud: Sigismondo Zois e Karl von Zinzendorf // *Münchener Zeitschrift für Balkankunde*. 1993. № 9. P. 45–52; *Trampus A.* Le comunicazioni tra il Veneto e l’area germanica in età moderna: dalle missioni diplomatiche ai viaggi del conte Zinzendorf // *Atti del convegno “La storia e le tradizioni del Veneto Le relazioni e le forme della comunicazione tra l’area veneta e il mondo germanico,” CastelBrando – Cison di Valmarino 28.09.2002*. Venezia: Regione del Veneto, 2003. P. 121–158.

императора. В 1792 г. граф был назначен членом Государственного совета, в 1793–1802 гг. возглавлял Придворную аудиторскую палату в Вене¹⁶. Иными словами, он был достаточно заметной фигурой, и не только водил знакомства с сильными мира сего, но обладал блестящей профессиональной подготовкой, включая опыт, полученный в путешествиях по Европе.

Далее в статье речь пойдет только о тех заметках, которые велись с 6 по 11 августа 1774 г. во время пребывания Цинцендорфа в Москве. Всего они занимают 14 страниц. Записи в дневнике довольно краткие, отражающие лишь самую суть, можно сказать, что это простое перечисление, предложения часто не закончены. Такие записи Цинцендорф, где был он ни находился, вел на протяжении всей своей жизни. Их содержание предельно точно: во сколько встал, где завтракал, с кем говорил, с кем прогуливался, чем занимался до обеда или ужина, что видел по пути куда-либо. Особого упоминания удостоиваются разные совещания и их повестка дня, содержание меморандумов, информация об их авторах, разговоры в обществе, театральные и оперные постановки, поэтому дневники Цинцендорфа широко используются для изучения истории Габсбургской монархии или истории театра¹⁷. Историки высоко ценят содержащуюся в них информацию, поскольку записи делались по свежим следам, тем же вечером или спустя несколько дней. Впрочем, спустя годы, Цинцендорф отредактировал свои дневники, вымарал многое, прежде всего, некоторые имена и интимные подробности, в ряде случаев поверх строк вписал отдельные предложения, но это в целом не повлияло на достоверность приводимых сведений. Путевые заметки составили 56 томов, которые ныне хранятся в Австрийском государственном архиве в Вене. Значительная их часть уже опубликована. Несмотря на свое саксонское происхождение, Цинцендорф вел дневник по-французски. Поскольку большинство записей сделаны во время путешествий, часто в спешке, почерк порой крайне неразборчив. При этом он старался со всей возможной тщательностью фиксировать на бумаге названия мест, где побывал. Находясь в том или ином населенном пункте, он обычно заранее, с помощью имевшихся у него карт, составлял дальнейший маршрут. Хотя записи граф вел для себя, чтобы сохранить память об увиденном и пережитом, это не значит, что они не предназначались для чужих глаз. По его собственному признанию, не только друзья, но и монархи просили у него почитать заметки, сде-

¹⁶ См.: *Lebeau Ch.* La conversion de Karl von Zinzendorf: affaire d'État ou affaire de famille // *Revue de synthèse* (4e série). 1993. № 3–4. P. 473–495; *Lebeau Ch.* Aristocrates et grands commis à la Cour de Vienne, 1748–1791: le modèle français. Paris: CNRS Éditions, 1996.

¹⁷ *Harbecke U.* Das Tagebuch des Grafen Karl von Zinzendorf und Pottendorf als theatergeschichtliche Quelle. Bonn: R. Schwarzbild, 1969; *Trampus A.* Dalla storia delle idee alla storia della musica: il diario del conte Zinzendorf come fonte per una ricerca interdisciplinare // *Recercare*. 1993. № 5. P. 153–169; *Link D.* Vienna's Private Theatrical and Musical Life, 1783–92, as reported by Count Karl Zinzendorf // *Journal of the Royal Musical Association*. 1997. № 122/2. P. 205–257.

ланные в той или иной стране (fol. 26)¹⁸. Известно, что он любил изящную словесность, много читал и записывал, какие книги купил¹⁹.

Обычно Цинцендорф путешествовал в собственной карете, меняя лошадей на почтовых станциях. Если дорога была трудной или окрестности – живописными, выходил из кареты и шел пешком. Будучи коммерции советником, он тщательно записывал, в каком состоянии находятся почтовые станции, насколько там чисто, каковы почтовые лошади, дороги, мосты, сколь хороши услуги, предоставляемые на постоялых дворах. Где бы он не селился, всегда отмечал качество кровати, но часто ночи он проводил в дороге, делая остановки на несколько часов, чтобы поспать. Еда занимает в дневниках куда более скромное место, о ней он писал, только если ему подавали что-то особо невкусное, или, наоборот, если доводилось отведать какое-то редкое лакомство, фрукты или десерт. Он был ценителем кофе и, если где-то покупал его, обязательно упоминал об этом. Будучи рыцарем Тевтонского ордена, принесшим обет целибата, он испытывал живейший интерес к женскому полу и никогда не забывал записать, что познакомился с хорошенькой женщиной, даже если она была всего лишь женой почтмейстера.

Еще до приезда в тот или иной город Цинцендорф зачастую сообщал о своем прибытии городским властям, и те брали на себя заботы о постое: селили гостя у себя или в одной из резиденций. Граф старался свести знакомство с местным светским обществом, просил показать ему достопримечательности, познакомиться с важными людьми. В результате из его дневников мы узнаем не только о внутреннем убранстве дворцов, поскольку Цинцендорф упоминал ценные картины и скульптуры, но и о быте местного общества, в том числе о гастрономических пристрастиях. Поскольку гость в первую очередь общался с местными аристократами, из его дневников можно составить лишь поверхностное представление о других социальных группах. В то же время, впечатления, полученные от поездок, очень важны, ибо увиденное всегда сравнивается с опытом, полученным в других странах.

¹⁸ Например, 9 марта 1774 г. Цинцендорф получил аудиенцию у Марии Терезии, которая хотела ознакомиться с его заметками о Трансильвании. См.: Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest. Másolatok gyűjteménye. Külföldön őrzött magyar vonatkozású levéltári anyagok nyilvános tárlása. [Österreichisches Staatsarchiv Haus-Hof- und Staatsarchiv, Kabinettsarchiv. Kabinettskanzlei. Nachlässe der Kabinettskanzlei. X4570. Nachlass Zinzendorf. Tagebücher. Band 19./ (W 603.)]. Здесь и далее ссылки на дневник даются по факсимильной копии из фондов Австрийского государственного архива, хранящейся в фондах Венгерского национального архива. В тексте статьи ссылки приведены с указанием даты и/или номера листа в скобках.

¹⁹ Karp S. Les livres et les gens du livre. P. 61–71.

От замысла до начала путешествия

Идея поездки в Россию исходила от самого Цинцендорфа. Учитывая его интерес к политике, не приходится удивляться, что, услышав о победах России над Блистательной Портой²⁰, он решил посетить ее. Мария Терезия была не в восторге от этого замысла, о чем и сказала ему при личной встрече 9 марта 1774 г. по случаю передачи ей трансильванского дневника. Ее поддержал канцлер Кауниц, заподозривший Цинцендорфа во вмешательстве во внешнюю политику (15.IV.1774, fol. 38). Озабоченность канцлера была вызвана тем, что еще не завершились русско-турецкие мирные переговоры, в которые включилась и Австрия. Цинцендорф был знаком со множеством дипломатов, обладал широкими международными связями, поэтому Кауниц почитал за благо держать его подальше от места, где разворачивались события. Однако 17 марта 1774 г. португальский герцог дон Жуан де Браганса²¹ предложил Цинцендорфу отправиться в путешествие по северным странам. Противник реформ маркиза де Помбала²², он с 1768 г. жил в Вене. Позднее, уже в России де Браганса признался, что в дорогу его позвала любовь: ему захотелось посмотреть на родину своей русской возлюбленной (17.III.1774, fol. 29). Цинцендорф решил воспользоваться предложением герцога и 11 апреля на аудиенции у Иосифа II заверил императора, что по пути обследует экономический потенциал Галиции и составит меморандум о путях развития провинции. Тем самым он заполучил влиятельного союзника, которого живо волновала Россия. Иосиф II высказал пожелание, чтобы Цинцендорф непременно посетил Москву, и обещал поддержать его замысел на Государственном совете (fol. 36). После этого события заметно ускорились, и граф полностью посвятил себя приготовлениям к поездке. Брат Людвиг раздобыл для него самую большую карту Российской империи (17.IV.1774,

²⁰ Летом 1768 г. Турция объявила войну России в надежде на то, что империя, занятая подавлением восстания поляков, потерпит поражение. Однако неожиданно Россия одержала победу, ввела войска в дунайские княжества, а ее флот в Средиземном море атаковал с юга Ионические острова. См.: *Bély L. Les relations internationales en Europe XVIIe – XVIIIe siècles. Paris: Presses Universitaires de Paris, 1992. P. 570–571.*

²¹ Жуан Карлос де Браганса (1719–1806) происходил из младшей ветви королевской семьи, был политиком, военным, путешественником и патроном Глюка, Гайдна и Моцарта. Обучался в университете Коимбры. Сражался в Семилетней войне (1756–1763). После падения Помбала вернулся в Португалию, где занимал высокие государственные и военные посты. В 1779 г. принял участие в основании Португальской академии наук, способствовал распространению на родине идей Просвещения.

²² С именем Себастьяна Жозе ди Карвалью-и-Мелу маркиза де Помбала (1699–1782) связывают модернизацию Португалии, восстановление Лиссабона после крупного землетрясения, изгнание из страны ордена иезуитов.

fol. 39)²³. 17 апреля Кауниц официально известил Цинцендорфа о разрешении путешествия. Скорость, с которой выделенные на поездку 1000 дукатов 1 мая были перечислены канцелярии, а 6 мая – Совету по торговле, где служил граф, делает честь австрийской администрации. 2 мая Иосиф II лично проинструктировал Цинцендорфа относительно предстоящей поездки. Отныне он ежедневно встречался с жившими в Вене поляками и людьми, обладавшими обширными познаниями в интересующем его предмете (fol. 46).

Путешествие

15 мая после полуночи Карл Цинцендорф в собственной карете отправился из Вены в дальний путь. По обыкновению, он ехал почтовыми дорогами, делая исключение для тех мест, которые специально хотел осмотреть. Останавливался только, чтобы поесть и сменить лошадей, ехал днем и ночью вплоть до самого Кракова, где его уже ждали и готовили прием. Поскольку Галиция в то время была оккупирована австрийскими войсками, приемом гостя занималось местное военное командование.

28 мая 1774 г. граф прибыл в Лемберг (совр. Львов/Львів, Украина) и провёл в Галиции чуть более двух недель (fol. 46)²⁴. 14 июня он продолжил путь в Польшу и 4 июля прибыл в Варшаву, где его принял австрийский посол (и выдающийся ориенталист) Карой Ревички²⁵. Цинцендорф поселился в его резиденции и стал ждать португальского герцога. Чуть ли не каждый вечер он ужинал у русского посла Отто Магнуса фон Штакельберга²⁶. Чтобы продолжить путь в Россию, граф попросил у того карту и рекомендательные письма, а также любую информацию, которая могла бы пригодиться в дороге. 14 июля в Варшаве объявился Браганса, и 20 июля они продолжили путь вдвоем (20.VII.1774. fol. 100).

Они передвигались в двух каретах, герцог с двумя слугами и Цинцендорф в сопровождении одного только кучера. Старались ехать как можно быстрее,

²³ В статье С.Я. Карпа говорится, что в начале пути Цинцендорф ориентировался по «Карте Польши» Рицци-Дзаннони (1772). См.: *Карп С.Я.* Тевтонский рыцарь в России. С. 257. Какую карту раздобыл для него брат, еще предстоит установить.

²⁴ *Ághné Ring É.* Karl von Zinzendorf a 18. század nagy utazója és 1774-es galíciai utazása [Путешествие великого путешественника XVIII в. Карла Цинцендорфа в Галицию в 1774 г.] // *Kelet-európai sorsfordulók* [Судьбоносные перемены в Восточной Европе] / Szerk. J. Juhász és mások. Budapest: L'Harmattan Kiadó, 2016. 15–24. old.

²⁵ Карой Имре Ревички (1737–1793) – венгерский аристократ, политик, дипломат. Выдающийся и несправедливо забытый ориенталист. Знал множество языков. Служил в австрийских посольствах в Константинополе, Варшаве, Берлине, Лондоне.

²⁶ После ратификации договора о Первом разделе Речи Посполитой 5 августа 1772 г. Отто Магнус фон Штакельберг получил назначение русским послом в Варшаве. На самом деле он правил от имени Екатерины II. См.: *Wandycz P.S.* The price of freedom: a history of East Central Europe from the Middle Ages to the present. London; New York: Routledge, 2001. P. 128.

редко останавливались на ночь в городах, чаще ночевали в каретах. 30 июля они въехали в области, которые в 1772 г. после раздела Речи Посполитой были присоединены к Российской империи (30.VII.1774, fol. 109)²⁷. В дневнике они названы «новой Россией» (*nouvelle Russie*). Здесь у них только проверили паспорта, а настоящий таможенный досмотр имел место у старой русской границы в Смоленске, куда путешественники прибыли 1 августа. Они предъявили коменданту письмо Штакельберга, и комендант распорядился запрячь им лошадей и выделить сопровождение (fol. 111–112). Путешественники провели ночь на постоялом дворе и на другой день отправились дальше. Не проходило и дня, чтобы у одного или у другого не ломалась карета и приходилось терять время в томительном ожидании, когда ее починят. Если рядом не было постоянного двора, спали под открытым небом. 6 августа, по прибытии в Москву Цинцендорф был вынужден оставить карету на каретном дворе, чтобы ее основательно отремонтировали.

В древней российской столице

6 августа около 9:30 путешественники увидели перед собой большой город и услышали колокольный перезвон. На востоке просматривалось русло Москвы-реки, глаза слепил блеск позолоты церковных куполов. Путники сделали небольшой привал, чтобы насладиться видом. Затем спустились к реке и переехали ее по понтонному мосту. Как только кареты съехали с моста, жандармы произвели досмотр кареты Цинцендорфа (fol. 116–117). Процедура не заняла много времени, и наши герои продолжили путь. Отправившись на поиски жилья, они сразу же стали свидетелями незабываемой сцены. Дверь одного из домов неожиданно отворилась, и на улицу выбежала голая женщина, скрывшаяся на противоположной стороне. Путешественники решили, что в помещении находится баня. Не успев прийти в себя, они, сделав несколько шагов, увидели во дворе означенного дома целую толпу совершенно нагих женщин, окруженных едва одетыми мужчинами. Из здания продолжали выбегать 12–13-летние голые девочки и мальчики. Увиденное ярко запечатлелось у них в памяти, и позднее

²⁷ О роли князя Михаила Никитича Волконского (1713–1788) в Первом разделе Речи Посполитой см.: *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II, 1772–1793–1795. М.: Международные отношения, 2002. С. 120–124. По Первому разделу 1772 г. Россия получила относительно небольшую территорию с преимущественно русским (белорусским) населением. «Умеренность appetitов» императрицы предположительно объяснялась тем, что для нее гораздо важнее были результаты мирного договора с турками, что следует также из бесед Цинцендорфа с ведущими русскими политиками и генералами.

они не раз пытались найти этому объяснение, но знакомые уходили от прямого ответа, говоря, что там не происходило ничего предосудительного (fol. 117)²⁸.

Путешественники с трудом ориентировались в огромном городе. Попадавшие навстречу люди не говорили по-немецки и с трудом могли показать им дорогу. Португальский герцог вышел у дворца Разумовского²⁹. Цинцендорф продолжил путь в Немецкую слободу, который ему указали француз-галантерейщик и прохожий итальянец. Миновал Кремль, затем Китай-город, и в час по полудни прибыл к месту назначения. Граф снял две комнаты на первом этаже в доме одного виноторговца (в дневнике упоминается как «Louis, marchand de vin», fol. 117). Отдохнув с дороги несколько часов, коммерции советник отправился на поиски книжной лавки Рюдигера³⁰.

Во второй половине дня прибыл флигель-адъютант князя Волконского³¹ с приглашением на ужин. Еще ранее от господина Роуэнда³², партнера Томпсона, граф узнал, что война с турками окончена: фельдмаршал Румянцев³³ одержал блестящую победу над войском султана, которая способствовала заключению мира на выгодных условиях. Как он узнал за ужином, подписание мирного до-

²⁸ О том что это была типичная реакция многих иностранцев, въезжавших в центр города по «живому» Москворецкому мосту мимо общественных бань см.: *Карп С.Я.* Тевтонский рыцарь в России 1774 г. С. 269.

²⁹ Неясно, о каком из дворцов идет речь, возможно, о дворце К.Г. Разумовского в Романовом переулке. Участок, на котором был построен дворец, ранее принадлежал Нарышкиным, а после Разумовские продали его Н.П. Шереметеву. URL: il-ducess.livejournal.com/77211.html.cutid1

³⁰ О посещении книжной лавки подробно написал С.Я. Карп в цитированной выше статье. См.: *Karp S.* Les livres et les gens du livre. P. 69. Кристиан Рюдигер был типографом, переплетчиком и книготорговцем из Лейпцига, который с 1762 г. жил в Москве. В 1794–1800 гг. он возьмет в аренду университетскую типографию. Согласно Фредерику Барбье, Рюдигер был представителем Société typographique de Neuchâtel en Russie. См.: *Barbier F.* La librairie parisienne, la Russie et les puissances du Nord au XVIIIe s.: l'invention de la médiatisation // Век Просвещения / Под ред. С.Я. Карпа. М.: Наука, 2006. С. 199.

³¹ Речь идет о Михаиле Никитиче Волконском, московском главнокомандующем в 1771–1780 гг.

³² Шотландец Джеймс (Яков Яковлевич) Роуэнд (Рованд) был московским банкиром и коммерсантом, младшим партнером фирмы Thomson Rowand & Co. вместе с Джоном Томпсоном, управлявшим филиалом в Санкт-Петербурге. В 1771–1799 гг. жил в роскошной резиденции в Немецкой слободе, которую затем продал купцу Скворцову, перебравшись на Большую Лубянскую улицу. По одной из неподтвержденных гипотез, именно в этом доме появился на свет А.С. Пушкин. См.: *Виноградов Л.* Детские годы Александра Сергеевича Пушкина в Немецкой слободе и у Харитония в Огородниках // URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=3an9q28bAKo%3d&tabid=10358> Ср.: URL: <https://stapelia2784.livejournal.com/835.html> (дата обращения 02.01.2019).

³³ Речь идет о графе Петре Ивановиче Румянцеве (1725–1796), блестящем полководце, герое русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

говора было весьма кстати, потому что восстание под предводительством Емельяна Пугачева ширилось. (6.VIII.1774. fol. 117–118).

Вечером Цинцендорф отправился на прогулку с герцогом Браганским. Они осмотрели дворец графа Орлова, который Цинцендорф нашел подлинным архитектурным шедевром. Фасад венчал украшенный колоннами перистиль. Дворец располагался на острове, с одной стороны огибаемом рекой Яузой³⁴. Путешественники перешли реку по широкому мосту. Слева, вдалеке, маячила та самая баня, которую они увидели по приезду. С другой стороны возвышалось здание больницы, возведенной по приказу Петра I, с липовыми аллеями, за садом начинался лес, тропинки вели к дворцу графа Головкина³⁵. Новый дворцовый комплекс, возводимый на этом месте, Цинцендорф называет Екатерингофом (fol. 117–118).

Путники подошли к развалинам старого царского дворца, который сгорел 22 годами ранее³⁶. Цинцендорф отметил, что его расположение было весьма удачным: от него открывался вид на всю Москву. Рядом стоял массивный деревянный павильон, где давали оперные представления³⁷. Его ворота смотрели на Язу. Невдалеке возвышался дворец Шуваловых, который к тому времени уже купил Демидов³⁸. Фасад говорил скорее о дурном вкусе, отметил Цинцендорф,

³⁴ Дворец Алексея Григорьевича Орлова (1737–1808), также известный как «Слободской дворец», возводился для великого канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина (1693–1766), в 1757 г. отправленного в ссылку и лишенного имений. Орлов, получив дворец в подарок от Екатерины II, практически там не жил. Ныне притоки Яузы уведены под землю и заключены в коллекторы. Здание принадлежит Московскому государственному техническому университету им. Н.Э. Баумана. См.: URL: <https://www.m24.ru/articles/Baumanskaya/02122014/61042> (дата обращения 02.01.2019).

³⁵ Цинцендорф, по-видимому, спутал Головкина с Головиным. Речь может идти о дворце, возведенном Федором Алексеевичем Головиным (1650–1706), первым российским генерал-фельдмаршалом и главой (канцлером) Коллегии иностранных дел. Позднее там располагалась московская резиденция Анны Иоанновны. Екатерина II повелела всё разрушить и построить новый дворец в стиле классицизма.

³⁶ Речь идет о деревянном дворце Елизаветы Петровны, сгоревшем в 1753 г., т.е. не 22, а 21 год назад.

³⁷ Неясно, какие представления имел в виду Цинцендорф. Первое оперное представление имело место 11 декабря 1731 г. в Москве по случаю коронации Анны Иоанновны. Итальянская труппа саксонского курфюрста и польского короля Августа II давала комическую оперу Джованни Ристори «Каландро». С тех пор опера «прописалась» в России, но большинство представлений давали в Санкт-Петербурге. См.: *Ritzarev M. Eighteenth century Russian music.* London; New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2016. P. 39–47. Известно также, что на подмостках демидовского театра играла немецкая труппа. См.: URL: <https://www.otzyv.ru/read.php?id=172022> (дата обращения 02.01.2019).

³⁸ Очевидно, речь идет о Слободском доме, некогда принадлежавшем А.И. Шувалову, после замужества его единственной дочери Екатерины перешедшем к Головкиным и, наконец, купленном Никитой Акинфиевичем Демидовым (1724–1789). См.: URL: <https://>

маленькие скульптуры, призванные служить его украшению, были едва различимы (fol. 117–118). В парке стояли статуи, отлитые из железа и бронзы. Далее виднелся большой искусственный пруд, для наполнения которого требовалось много воды. В аллеях парка скрывались несколько павильонов, предназначенных для размещения гостей. Павильоны соединялись с садовыми галереями двумя мостами. В конце пути, на горизонте, мерцали гладью воды «множество больших прудов между городом и рекой, – все это прекрасно, но было бы еще лучше, если бы несмотря на здешний климат в них могли плескаться не только одни лягушки», – записал граф в дневнике (fol. 117–118).

На другой день утром Цинцендорф сделал новые записи в дневнике и отправился к заутрене. Затем коммерсант Томпсон пригласил его и герцога Браганского в свой дом, устроенный на английский манер. Говорили о восстании Пугачева. Около 11 ч. сели в карету и отправились в Кремль. На пути следования им трижды попадались немощные отрезки дороги, но в конце концов вся компания добралась до колокольни Ивана Великого. Поднялись на звонницу, и оттуда их взорам предстало величественное, захватывающее дух зрелище. Цинцендорф констатировал, что город гораздо красивее смотрится издалека, чем с близкого расстояния, потому что Кремль невелик и окружен домами жалкого вида. Здесь центр города, с колокольни хорошо видно, как Москва-река протекает через город. Судходство очень активное. Находясь наверху, граф внимательно рассмотрел планировку Кремля, но не нашел в ней ничего выдающегося. Маячивший вдалеке комплекс возводимого в Белом городе Воспитательного дома показался ему гораздо импозантнее. Сверху были хорошо видны стены, отделявшие Кремль от Китай-города и Китай-город от Белого города. На линии горизонта вырисовывались очертания церквей (fol. 117–118). Спустившись с колокольни, путешественники осмотрели огромный, весивший 12 тыс. пудов колокол, который треснул во время Большого пожара 1737 г. Обойдя его кругом, путешественники убедились, что периметр колокола составляет 30 футов. Они даже залезли внутрь, чтобы посмотреть, насколько он высок. Изнутри его украшали прекрасные рельефы, на одной стороне был изображен царь Алексей Михайлович, на другой – литой картуш с надписью. Завершив прогулку, все отправились домой (fol. 117–118).

На ужин Цинцендорфа в свою усадьбу³⁹, расположенную в 7 верстах от города пригласил князь Волконский⁴⁰. Хозяин был московским главнокомандующим, сенатором, членом Комиссии для составления нового уложения. Когда Цинцендорф прибыл на место, гости уже собрались в павильоне, где тан-

www.otzyv.ru/read.php?id=172022; <https://www.liveinternet.ru/users/4000579/post248353366> (дата обращения 02.01.2019).

³⁹ Скорее всего, это усадьба Раменское.

⁴⁰ Речь идет о М.Н. Волконском (см. прим. 32).

цовщица развлекала их танцами. Из сада открывался великолепный вид на Москву и Кремль. Коммерции советник был представлен главе Московской губернии графу Остерману⁴¹, под чьим руководством находилось 7 уездов, 30 городов и примерно 2,5 млн душ мужского пола. Граф весьма гордился тем, что с 1724 г. население губернии увеличилось на 1 млн человек (7.VIII.1774. fol. 119).

Посреди вечера, проделав путь длиной в 200 верст, с самых берегов Дуная⁴², к ужину прибыли князь Репнин⁴³ с графом Воронцовым⁴⁴, которых Цинцендорф уже знал по Вене. Они провели в пути девять дней, чтобы доставить экземпляр подписанного турками мирного договора. Согласно окончательной договоренности, Россия получала 3 крепости в Крыму и свободное судоходство по Черному морю. Граница между двумя империями по-прежнему проходила по реке Буг. Бессарабия, Молдавия и Валахия сохраняли вассальную зависимость от Порты, но жители получали широкие привилегии (fol. 119). Особую радость вызвала новость, что российская казна должна пополниться 4,5 млн золотых рублей. Цинцендорф записал, что, глядя на князя Репнина, никто не сказал бы, что это и был тиран Речи Посполитой. Там же, на званом вечере, он встретил Остермана, управляющего церковными имениями⁴⁵, и знаменитого Миллера, начальника архива Иностранной коллегии, работавшего над историей Российского государства⁴⁶. Цинцендорф имел с ним продолжительную беседу и в подарок получил карту Новгородской губернии.

Утром 8 августа Цинцендорф написал письмо князю Йозефу Марии Карлу Лобковицу (1724–1802) – имперскому послу в Санкт-Петербурге. К письму прилагались счета на 407 гульденов за время поездки от Варшавы до Москвы.

⁴¹ Речь идет о графе Федоре Андреевиче Остермане (1723–1804), сыне покойного канцлера Андрея Ивановича Остермана. См.: URL: <http://ostermanniana.ru/index.html> (дата обращения 02.01.2019).

⁴² Речь идет о Кючук-Кайнарджийском мире.

⁴³ Николай Васильевич Репнин (1734–1801) – князь, генерал, сыгравший важную роль в Первом разделе Речи Посполитой. Во второй половине 1760-х годов он практически правил Польшей от имени Екатерины II. Репнин арестовал пятерых видных депутатов, отказавшихся покориться воле российской самодержицы, и отправил их отбывать заключение в Калугу. Именно поэтому Цинцендорф записал в дневнике, что Репнин был тираном Польши. Ср.: *Ring É.* «Lengyelországot az anarchia tartja fenn?» [Польшу сохраняет анархия?] Budapest: ELTE, Eötvös Kiadó, 2001. 168. old.

⁴⁴ Семен Романович Воронцов (1744–1832) – граф, впоследствии посол в Вене и Лондоне, отличился на поле брани в русско-турецкую войну.

⁴⁵ Видимо, речь идет об Иване Андреевиче Остермане (1725–1811), втором сыне покойного канцлера, в 1774 г. назначенном сенатором. См.: URL: <http://ostermanniana.ru/index.html> (дата обращения 02.01.2019).

⁴⁶ Герхард Фридрих (Федор Иванович) Миллер (1705–1783), историк и археолог, член Российской академии наук. Был инспектором Воспитательного дома. См.: *Karp S.* Les livres et les gens du livre. P. 68.

В 9 ч. он отправился вместе с герцогом и одним из коллег Миллера на осмотр Воспитательного дома в Белом городе. Здание, которым он накануне восхищался издалека, при ближайшем рассмотрении оказалось внушительным, однако полностью завершенным было только одно его крыло. Здесь жили 1 700 опрятно одетых и хорошо накормленных мальчиков и девочек. Спальные и классные комнаты выглядели чисто. Детей учили немецкому, французскому, итальянскому и русскому языкам, рисованию, пению, сольфеджио, прививали им добрые нравы и хорошие манеры. Директор показался им человеком добропорядочным. В салоне гости осмотрели портреты покровителей заведения, среди которых были принцесса Гессен-Гомбургская⁴⁷ и крестьянин из крепостных людей графа Шереметева⁴⁸, пожертвовавший на Воспитательный дом 100 тыс. руб. Воспитанники обратились к гостям с приветствиями, причем к герцогу Браганскому – на французском и итальянском, а к Цинцендорфу – на немецком (fol. 120). Коммерции советник высоко оценил сей жест, ибо был наслышан, как нелегко дается русским этот язык.

По дороге между путешественниками зашла речь о каретах. Их поразило, как часто на почтовых станциях им попадались лошади разных мастей. Очевидно, что встретить красивую лошадь – не редкость. Путь снова лежал в Кремль, где гости посетили Успенский собор – место коронации русских царей. Их взоры привлекло массивное серебряное паникадило в форме короны и икона Божией матери, написанная евангелистом Лукой⁴⁹. Затем путешественники осмотрели Архангельский собор, где похоронены цари, в том числе сын Ивана Грозного, убитый, как пишет Цинцендорф, Борисом Годуновым и впоследствии канонизированный⁵⁰. Имея в виду восстание Пугачева⁵¹, он заметил, что поскольку покойный супруг Екатерины II не похоронен так, как полагается хоронить царей, народ верит, будто Петр III не умер. В соборе Цинцендорф заметил, как женщина платила священнику, чтобы тот помолился об ее усопшем муже.

⁴⁷ Графиня Анастасия Ивановна Трубецкая (1700–1755), дочь фельдмаршала князя И.Ю. Трубецкого, в замужестве принцесса Гессен-Гомбургская. Инициатор создания воспитательного дома И.И. Бецкой был внебрачным сыном князя И.Ю. Трубецкого и побочным братом (совр. – сводным) принцессы Гессен-Гомбургской.

⁴⁸ По всей вероятности, речь идет о крепостном графа Петра Борисовича Шереметева (1713–1788), но о ком именно, неизвестно.

⁴⁹ Предположительно речь идет о Владимирской иконе Божьей матери. О предании, связывающем ее появление с именем евангелиста см.: <https://aleteia.org/2017/10/18/4-icons-of-mary-attributed-to-st-luke-the-evangelist/> (дата обращения 02.01.2019).

⁵⁰ Здесь Цинцендорф имеет в виду св. Димитрия Угличского и легенды, ходившие о его таинственной смерти, см <http://pravoslavie.ru/87081.html> (дата обращения 02.01.2019).

⁵¹ Емельян Пугачев утверждал, что он и есть Петр III, которому удалось успешно избежать смерти. Ссылаясь на указы Петра III, защищавшие крестьян от произвола помещиков, Пугачев заявлял с пропагандистскими целями, что хочет освободить русское крестьянство.

Храмы богато украшены, – записал в дневнике граф, – много позолоты, повсюду иконы (fol. 120).

После экскурсии по Кремлю путешественники навестили Остермана, который забросал их непрошенными советами. Во второй половине дня они отправились к князю Волконскому, у которого встретили графа Панина⁵². Затем путешественники отъехали на расстояние трех верст, чтобы посмотреть Новодевичий монастырь. Они нашли его расположение очень красивым, потому что монастырь был возведен у подножия холма, посреди зеленого поля. Поскольку по случаю праздника Смоленской иконы Богоматери доступ мужчинам в монастырь не был закрыт, гости смогли осмотреть его изнутри. Их удивило, что русские женщины перед каждой иконой могут класть до ста земных поклонов и долго молиться. Вокруг монастыря были разбиты шатры, многочисленные посетители веселились, пели, трапезничали (fol. 120–121).

Затем путешественники отправились к коммерсанту Джону Тамесу⁵³, жившему в доме, обставленном роскошной мебелью в английском стиле. Отсюда открывался прекрасный вид на комплекс Демидовского дворца. У самой линии горизонта сгущался лес, над которым то тут то там возвышались купола колокольных звонниц. Продолжив прогулку, они ненадолго задержались на вершине холма, чтобы посмотреть, как вверх и вниз движутся повозки. Большинство были далеко не кареты, а простые, однолошадные «ропуски». Многие из женщин, сидевших в проходивших мимо повозках, показались им красавицами (8.VIII.1774. fol. 121).

Вечером граф и герцог зашли в одну из церквей, где как раз свершалось таинство венчания. Церемония показалась им необычной, потому что брачующиеся вначале, пока шла служба, стояли за пределами алтарного пространства. Затем архиерей взял их за руки и подвел к алтарю. Там священник в белых одеждах дал им трижды поцеловать крест и Библию, надел обоим на головы короны и трижды обвел по кругу. Все это время прихожане восклицали: «Господи, помилуй!» В конце длинной церемонии жених поцеловал в губы невесту. Затем священник подвел их к алтарю, где молодые перекрестились и приложились к иконам, потом поблагодарили родителей и поклонились им. Цинцендорф отметил, что молодые были одеты по французской моде, но сами платья были сшиты очень плохо (fol. 121).

⁵² Никита Иванович Панин (1718–1783) – граф, сторонник создания Северного союза в составе России, Пруссии, Польши, Швеции и Великобритании, для ослабления влияния Франции. В 1762–1783 гг. имел решающее влияние на внешнюю политику, хотя и противился разделу Речи Посполитой. Постепенно утратил влияние, особенно после того, как русско-австрийские отношения наладились, потому что Иосиф II недолго любил Панина. См.: <https://russiapedia.rt.com/prominent-russians/politics-and-society/nikita-panin/> (дата обращения 02.01.2019).

⁵³ *Карп С.Я.* Тевтонский рыцарь в России 1774 г. С. 261.

Утром 9 августа путешественники узнали, что им не на чем ехать дальше. Прибыли приглашения от Шереметева и Волконского. Вскоре за ними зашел Миллер, чтобы вести под проливным дождем в Кремль. Ученый показал им богатое собрание старинного оружия, конского снаряжения, шлемов и кольчуг. Всё было богато украшено золотом, серебром, жемчугами. Оттуда они проследовали в сокровищницу, где осмотрели шапку Мономаха и другие короны русских государей. Восхищение гостей вызвали украшенный золотом трон из слоновой кости, коронационный меч и двойной трон, изготовленный для Ивана V и Петра I. Осмотрели они и коронационные одеяния, и деревянный макет Кремля.

Потом Миллер отвел их в архив, показал письмо императора Максимилиана I, в котором тот величает московского государя императором. А королева Елизавета Английская, отметил Цинцендорф, называла царя «королем» (9.VIII.1774. fol. 122).

Выйдя из архива, путешественники, несмотря на непрекращающийся дождь, обошли лавки Китай-города и сделали покупки. Они приобрели ночные колпаки и шелковые платки российского производства, какие носили русские женщины, которым, по мнению графа, эти платки были очень к лицу. Затем путешественники отправились к книготорговцу Веберу⁵⁴, потом – в большую аптеку. Она оказалась огромным зданием с черным драконом на крыше (fol. 122).

В первой половине дня 10 августа Цинцендорф приобрел дорожную шапку, которая обошлась ему недешево. После 10 ч. вместе с герцогом они по мосту переехали через Яузу, проследовали мимо императорской больницы, пересекли лес и выехали на большой луг. По дороге им часто попадались казацкие караулы. Прибыли в Кусково, владение графа Петра Борисовича Шереметева, и посетили там оранжерею. Граф был еще не одет, поэтому гости принялись рассматривать портреты русских царей и нашли дочь Петра Великого Анну, мать Петра III, весьма привлекательной. Вскоре им навстречу вышел хозяин, они отобедали, потом Шереметев показал гостям резиденцию. Дворец располагался на берегу великолепного пруда, на территории усадьбы находились бельведер, конюшня, домики в разных стилях (итальянском, голландском, китайском), эрмитаж, английский парк и французский парк с лабиринтом. Но этим экскурсия не ограничилась. У графа Шереметева был роскошный охотничий парк с редкими животными, такими как сибирский черный волк, а также жившими на свободе зайцами, косулями, оленями. Осмотр завершился только в 7 ч. вечера. Хозяин показался гостям приятным человеком, не слишком суровым, но и не

⁵⁴ Датчанин Кристиан Людвиг Вебер, хранитель библиотеки Московского университета, с 1760 г. жил в Москве. См.: *Karp S. Les livres et les gens du livre*. P. 69–70; *Копанев Н.А. Французская книга и русская культура в середине XVIII века*. Л.: Наука, 1988. С. 141–142, 146.

слишком сердечным, и при этом гордящимся своим состоянием, оценивавшимся в 400 тыс. рублей. Мажордомом у него служил немецкий барон. За ужином присутствовали господин Эссиг⁵⁵, главный надзиратель Воспитательного дома, и Миллер, который пришел, чтобы посмотреть генеалогические работы Цинцендорфа (10.VIII.1774. fol. 123).

Утром 11 августа гости запросили счет у хозяина-винооторговца и рассчитались с мастерами, чинившими карету Цинцендорфа. В карете отправились к Миллеру, чтобы проститься. Флигель-адъютант князя Волконского отрядил с ними сержанта, чтобы тот сопровождал их в дороге. В 5 ч. пополудни их карета вновь проехала мимо бань на берегу Яузы. В первой могли париться только мужчины, которых угощали чаем с молоком и медом. Сидевшие по лавкам мужчины хлестали друг друга по спинам вениками. Вторая баня также располагалась на берегу реки, но состояла из двух половин – мужской и женской. Они тоже хлестали друг друга вениками по спинам.

В 6 ч. вечера путешественники оставили российскую столицу, направившись в Петербург (fol. 123).

В заключение можно сказать, что далеко не всё, с чем Карл Цинцендорф столкнулся в России, ему понравилось, однако общие впечатления от страны оказались положительными. Он как никто почувствовал динамизм экономического и социального развития, которого еще не наблюдалось в Австрии. В Москве 1774 года он увидел огромный, развивающийся, бурлящий город. Коммерции советника явно интересовали не столько памятники и древние традиции, сколько такие признаки модернизации, как Воспитательный дом, архитектура дворянских усадеб и ассортимент товаров в бесчисленных лавках Китай-города. Хотя признаки перемен ощущались здесь не столь явно, как потом в Санкт-Петербурге, он не нашел город ни сонным, ни изолированным от внешнего мира. Охватывавшая Российскую империю модернизация не обошла стороной и Москву.

⁵⁵ Возможно, Антон Иванович фон Эссиг (Эссен), секунд-майор, занимавший должность главного надзирателя в 1776–78 гг. (см. подробнее: *Красуский В.А.* Краткий исторический очерк Московского воспитательного дома. М.: Тип. Б.Я. Барбей, 1878. С. 24.)

Count Karl von Zinzendorf,¹ beyond doubt, was one of the greatest travellers of the 18th century. He travelled all over Europe, and visited Switzerland,² France,³ Belgium,⁴ Spain,⁵ Great Britain,⁶ and also such distant places on the continent as Sicily,⁷ Portugal, Hungary,⁸ and Transylvania. The article focuses on one episode of his last great journey – his stay in Moscow in 1774. En route he visited Galicia, Podolia, Bukovina, the Kingdom of Poland, Lithuania, and Russia and saw Finland, Sweden and Denmark on the way back. However, we will set aside this rather extensive part of his diaries. In our opinion, travel notes deserve more attention of the wider readership in the first place because they contain impressions and reflections of a well-educated unprejudiced traveller who tends to be able to make an objective comparison of different parts of Europe.

¹ For almost complete bibliography about Karl Zinzendorf, see S. Karp, “Les livres et les gens du livre dans le voyage de Karl von Zinzendorf en Russie (1774),” in *La prosopographie des hommes du livre. Actes du colloque organisé à l'enssib, Villeurbanne, par le Centre de Recherche en Histoire du Livre les 22 et 23 avril 2005*, ed. F. Barbier, D. Varry, J. Guilbaud, 62–74. ENSSIB, <https://www.enssib.fr/bibliotheque-numerique/notices/1459-la-prosopographie-des-hommes-du-livre>.

² H. Watzlawick, “Un été pluvieux dans la vie du comte de Zinzendorf. Souvenirs météorologiques d'un voyage en Suisse,” in *C'est la faute à Voltaire, c'est la faute à Rousseau. Recueil anniversaire pour Jean-Daniel Candaux*, ed. R. Durand (Geneva: Droz, 1997), 141–53.

³ G. Klingenstein, “Karl von Zinzendorf, un économiste autrichien en France, 1764–1769,” in *Mozart: les chemins de l'Europe. Actes du Congrès de Strasbourg 14–16 octobre 1991*, ed. B. Massin (Strasbourg: Éd. du Conseil de l'Europe, 1997), 71–75.

⁴ E.M. Langfelder, *Les Séjours en Suisse, en France et en Belgique du comte de Zinzendorf d'après son journal, 1764–1770* (Szeged: Institut français de l'Université de Szeged, 1933); K. von Zinzendorf, *Journal. Chronique belgo-bruxelloise, 1766–1770*, éd. G. Englebert (Brussels: Hayez, 1991).

⁵ G. Klingenstein, “Spanien im Horizont der österreichischen Aufklärung. Zinzendorfs Kommerzialreise nach Spanien im Jahre 1767,” in *Geschichtsforschung in Graz: Festschrift zum 125-Jahr-Jubiläum des Instituts für Geschichte der Karl-Franzens-Universität Graz* (Graz: Selbstverlag des Instituts für Geschichte an der Karl-Franzens-Universität Graz, 1990), 115–26.

⁶ E. Fattinger, “Gestaltung und Gewinn einer „Auftragsreise“: Karl Graf Zinzendorf in Großbritannien (1768).” In *Europareisen politisch-sozialer Eliten im 18. Jahrhundert. Theoretische Neuorientierung–kommunikative Praxis–Kultur- und Wissenstransfer*, ed. J. Rees, W. Siebers, H. Tilgner (Berlin: Berliner Wissenschaftsverlag, 2002), 129–58.

⁷ E. Faber and E. Garms-Cornides, “Die „Entdeckung“ Siziliens zwischen Kreuzfahrt, Kommerzreise und Grand Tour. Zinzendorf versus Riedesel,” in *Grand Tour: adeliges Reisen und europäische Kultur vom 14. bis zum 18. Jahrhundert. Akten der internationalen Kolloquien in der Villa Vigoni 1999 und im Deutschen Historischen Institut Paris 2000* (Ostfildern: Thorbecke, 2005), 341–56.

⁸ É. Balázs, *Karl von Zinzendorf et ses relations avec la Hongrie à l'époque de l'absolutisme éclairé* (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975).

For years, the international team of historians headed by G. Klingenstein worked on the critical publication of the travel diaries of Karl von Zinzendorf,⁹ including those devoted to his journeys to Poland and Russia. Russian historian S. Karp prepared the publication of the Russian part of the diaries but the publication of materials from the Polish-Russian journey was postponed sine die for organizational reasons.¹⁰ The present article is intended to draw the attention of researchers to the value of this source. The choice of diary pages devoted to Moscow is explained by the smaller publicity of journey experiences of foreign travellers who visited the ancient Russian capital in second half of the 18th century, if compared to those who visited St. Petersburg. However, before we get to the history of the journey, let us say a few words about the author.

Count Karl von Zinzendorf as Landkomtur of Bailiwick
of Austria of the Secularized Teutonic Order

⁹ See E. Faber, G. Klingenstein, and A. Trampus, eds., *Europäische Aufklärung zwischen Wien und Triest: Die Tagebücher des Gouverneurs Karl Graf von Zinzendorf 1776–1782*. (Veröffentlichungen der Kommission für Neuere Geschichte Österreichs, Band 103) (Vienna: Böhlau, 2009).

¹⁰ See S.Ya. Karp, “A Teutonic knight in Russia in 1774,” in *Public thought in the context of cultural history* [in Russian], ed. O.F. Kudryavtsev (Moscow: Nauka, 2004), 253–76.

Karl von Zinzendorf und Pottendorf was born in 1739 in Saxony.¹¹ He was a nephew of the famous earl Nicholas Ludwig von Zinzendorf (1700–1760), who re-established the church of Czech Brethren in his estate in Herrnhut in Silesia and led it himself.¹² At birth, Karl was baptized according to Lutheran traditions. In 1756–1761 he studied law at the University of Jena. Then, following the advice of his half-brother Ludwig, who had already moved to Vienna by that time and had been converted to Catholicism for the sake of administrative career which was impossible for a Protestant,¹³ he decided to move to Austria. Ludwig quickly managed to attract the attention of Wenzel Anton von Kaunitz, the future State Chancellor. Undoubtedly, it assisted his career and soon he was known as an expert in economics in the Habsburg Monarchy, which helped him to support his brother Karl, who was quickly accepted into the Lower Austrian Chamber of Commerce and then included into the Vienna Court Trade Council. In 1764 he also adopted Catholicism and later joined the Teutonic Order. Soon Karl was sent to the “grand tour” during which he was obliged to write long reports about the economic situation in other countries.¹⁴ During those trips, he thoroughly studied mining, agriculture, manufactory production, construction of canals, and the principles of customs operations. Having started his service, he travelled for almost 12 years on behalf and at the expense of the Vienna court, studying the secrets of economic growth and the development of commodity exchange. On returning from the trip, which is to be discussed below, Karl von Zinzendorf was appointed governor of Trieste,¹⁵ and later, economic adviser to Joseph II. However, the

¹¹ See (auto)biographical and genealogical essays G. Graf von Petteg, *Ludwig und Karl Grafen und Herren von Zinzendorf. Ihre Selbstbiographien nebst einer kurzen Geschichte des Hauses Zinzendorf*, vol. 9 (Vienna: W. Braumüller, 1879); C. Wurzbach “Zinzendorf Karl, Graf,” in *Biographisches Lexikon des Kaiserthums, enthaltend die Lebensskizzen der denkwürdigen Personen, welche seit 1750 in den österreichischen Kronländern geboren wurden oder darin gelebt und gewirkt haben*, vol. 60 (Vienna, 1891), 160–64.

¹² The Unity of Czech Brethren was banned within the domain of the Austrian house after the suppression of the uprising of the Bohemian Revolt in 1618, which served as one of the immediate causes for the beginning of the Thirty Years War (1618–1648).

¹³ See H. Wagner, comp., *Wien von Maria Theresia bis zur Franzosenzeit: aus den Tagebüchern des Grafen Karl von Zinzendorf* (Vienna: Wiener Bibliophilen Gesellschaft, 1972).

¹⁴ M. Breunlich and M. Mader, eds., *Karl Graf von Zinzendorf. Aus den Jugendtagebüchern, 1747, 1752 bis 1763 (nach Vorarbeiten von H. Wagner)* (Wien; Köln; Weimar, 1997).

¹⁵ See A. Trampus, “Economia e stato delle riforme nel litorale austriaco dal diario del conte Zinzendorf (1771).” *Archeografo Triestino*, vol. 50 (1990): 67–106; E. Faber, G. Klingenstein, and A. Trampus, eds., *Europäische Aufklärung zwischen Wien und Triest: Die Tagebücher des Gouverneurs Karl Graf von Zinzendorf 1776–1782* (Vienna: Böhlau, 2009); A. Trampus, “Karl von Zinzendorf tra Maria Teresa e Giuseppe II,” *Quaderni giuliani di storia*, vol. 14 (1993): 45–55; A. Trampus, “All’orizzonte degli slavi del sud: Sigismondo Zois e Karl von Zinzendorf,” *Münchener Zeitschrift für Balkankunde*, no. 9 (1993): 45–52; A. Trampus, “Le comunicazioni tra il Veneto e l’area germanica in età moderna: dalle missioni diplomatiche ai viaggi del conte Zinzendorf,” in *Atti del convegno “La storia e le tradizioni del Veneto Le relazioni e le forme della comunicazione*

relationship between them did not go well, and in 1785 Zinzendorf was among the strongest critics of the Emperor's policy. In 1792, the count was appointed a member of the State Council, and in 1793–1802 he headed the Chamber of Auditors in Vienna.¹⁶ In other words, Zinzendorf was a noticeable figure, and not only had acquaintances with the most powerful men of his time, but also got brilliant professional training which included the experience gained during his travels around Europe.

The article will focus only on those notes that Zinzendorf made from August 6 to August 11, 1774 during his stay in Moscow. These notes take a total of 14 pages. Entries in the diary are quite brief and reflect only the main points; one can say that it is just a kind of enumeration; often, the sentences are not completed. Zinzendorf made such notes all his life no matter where he was. The content is extremely accurate: what time he got up, where he had his breakfast, who he talked to, who he walked with, what he did before lunch or dinner, what he saw on his way somewhere. Special attention is given to various meetings and their agenda, to the content of the memoranda and information about their authors, to conversations in society, and theatrical and opera productions. That is why the diaries of Zinzendorf are widely used to study the history of the Hapsburg monarchy or the history of the theatre.¹⁷ Historians put much value to the information contained in these notes, because the notes were made while the memories were still fresh, the exact same evening or a few days later. However, years later Zinzendorf edited his diaries and cut out many things, some names and intimate details in the first place, in some cases he added separate sentences over the lines, but in general this did not affect the credibility of the information given. Travel notes consist of 56 volumes, which are now kept in the Austrian State Archives in Vienna. Most of them have already been published. Despite his Saxon origin, Zinzendorf kept his diary in French. As most of the entries were made while traveling, often in a hurry, the handwriting is sometimes illegible. At the same time, he tried with all possible care to fix on paper the names of the places he had visited. Being in a particular location, he usually he made his itinerary in advance, with the help of his maps. Although Zinzendorf made the notes for himself in order to keep in

tra l'area veneta e il mondo germanico," CastelBrando – Cison di Valmarino 28.09.2002 (Venice: Regione del Veneto, 2003), 121–58.

¹⁶ See Ch. Lebeau, "La conversion de Karl von Zinzendorf: affaire d'État ou affaire de famille." *Revue de synthèse* 4e série, no. 3–4 (1993): 473–95; Ch. Lebeau, *Aristocrates et grands commis à la Cour de Vienne, 1748–1791: le modèle français* (Paris: CNRS Éditions, 1996).

¹⁷ U. Harbecke, *Das Tagebuch des Grafen Karl von Zinzendorf und Pottendorf als theatergeschichtliche Quelle* (Bonn: R. Schwarzbild, 1969); A. Trampus, "Dalla storia delle idee alla storia della musica: il diario del conte Zinzendorf come fonte per una ricerca interdisciplinare," *Recercare*, no. 5 (1993): 153–69; D. Link, "Vienna's private theatrical and musical life, 1783–92, as reported by Count Karl Zinzendorf," *Journal of the Royal Musical Association*, vol. 122, no. 2 (1997): 205–57.

memory what he had seen and experienced, that did not mean that they were not intended for other people to read. According to his own words, not only friends, but also monarchs asked him to read notes made in one country or another (fol. 26).¹⁸ It is known that he loved belles-letters, read a lot, and wrote down what books he bought.¹⁹

Usually Zinzendorf travelled in his own carriage, changing horses at postal relays. If the road was difficult or the scenery was very picturesque, he got out of the carriage and walked. As Councillor of Commerce, he carefully described the conditions of post relays, how clean they were, what post-horses, roads, and bridges were like, and how good the service in the inns where he had stayed was. Wherever he stayed, he always mentioned the quality of beds. However, he spent nights mostly on the road and stopped only for a few hours to sleep. Food takes a much more modest place in the diaries; he wrote about it only if he was served something particularly unpalatable, or, on the contrary, if he happened to try some rare delicacy, fruit or dessert. He was an expert in coffee, and if he bought it somewhere, he necessarily mentioned it. Being a knight of the Teutonic Order, who had taken a vow of celibacy, he took a keen interest in the female sex and never forgot to write down that he had met a pretty woman, even if she was just a wife of a postmaster.

Before arriving to this or that city, Zinzendorf often informed the city authorities about his arrival, and they took care of lodging: they either accommodated the guest at their place or in one of the residences. The count tried to make acquaintance with the local high society, asked to show him the places of interest, and to introduce him to important people. As a result, we learn from his diaries not only about the interior decoration of palaces, since Zinzendorf mentioned valuable paintings and sculptures, but also about the life of the local society, including the gastronomic tastes. Since the guest associated with the local aristocrats in the first place, from his diaries one can make only a superficial idea of other social groups. At the same time, the impressions received from the trips are very important because he always compared what he saw with the experience he had gained in other countries.

¹⁸ For example, on March 9, 1774, Zinzendorf received an audience with Maria Theresa, who wanted to read his notes about Transylvania. See Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest. Másolatok gyűjteménye. Külföldön rzött magyar vonatkozású levéltári anyagok nyilvánartása. Österreichisches Staatsarchiv Haus-Hof- und Staatsarchiv, Kabinettsarchiv. Kabinettskanzlei. Nachlässe der Kabinettskanzlei. X4570. Nachlass Zinzendorf. Tagebücher. Band 19./ (W 603.). Hereinafter, references to the diary are given by the facsimile copy from the Austrian State Archives stored in the funds of the Hungarian National Archives. In the text references are given with the date and / or sheet number in brackets.

¹⁹ Karp, "Les livres et les gens du livre," 61–71.

From the idea to the start of the journey

The idea of a trip to Russia came from Zinzendorf himself. Given his interest in politics, it is not surprising that, having heard of the victories of Russia over the Sublime Porte,²⁰ he decided to visit the former. Maria Theresa was not thrilled with his plans and told him so during their personal meeting on March 9, 1774 when he brought her his Transylvanian diary. Chancellor Kaunitz, who suspected Zinzendorf of interfering in foreign policy (15. IV. 1774, fol. 38), supported Maria Theresa. The Chancellor's concern was caused by the fact that the Russian-Turkish peace talks, joined by Austria, were not over yet. Zinzendorf knew many diplomats and had wide international contacts, so Kaunitz thought that it was a good idea to keep him away from the place where the events took place. However, on March 17, 1774 the Portuguese Duke Don Juan de Braganza offered Zinzendorf to set off on a journey through the northern countries.²¹ Being an opponent of the reforms of Marquis of Pombal,²² the duke lived in Vienna since 1768. Later on, when they were in Russia, de Braganza confessed that it was love that called him on the road, as he wanted to take a look at the homeland of his Russian beloved (17.III.1774, fol. 29). Zinzendorf decided to take advantage of the duke's offer and on April 11, during the audience with Joseph II, he assured the emperor that he would inspect Galicia's economic potential along the way and draw up a memorandum on the development of the province. In doing so, he obtained an influential ally who was keenly excited about Russia. Joseph II expressed the wish that Zinzendorf should certainly visit Moscow, and promised to support his plan at the Council of State (fol. 36). After this, the events went on faster and the count devoted himself entirely to the preparations for his trip. His brother Ludwig procured him with the largest map of the Russian Empire (17.IV.1774, fol. 39).²³ On April 17, Kaunitz officially notified Zinzendorf of the decision to allow the

²⁰ In the summer of 1768 Turkey declared war on Russia in the hope that, being busy with suppressing the Polish uprising the Russian empire would be defeated. However, unexpectedly, Russia won, brought troops into the Danube principalities, and its navy in the Mediterranean attacked the Ionian Islands from the south. See L. Bély, *Les relations internationales en Europe XVIIe – XVIIIe siècles* (Paris: Presses Universitaires de France, 1992), 570–71.

²¹ Juan Carlos de Braganza (1719–1806) was a descendant from the younger branch of the royal family, a politician, a military man, a traveller and a patron of Gluck, Haydn and Mozart; studied at the University of Coimbra; fought in the Seven Years War (1756–1763). After the fall of Marquis of Pombal, he returned to Portugal where he held high government and military posts. In 1779 he took part in establishing the Portuguese Academy of Sciences, and contributed to the spread of Enlightenment ideas in his homeland.

²² The name of Sebastian Jose de Carvalho-and-Mele, Marquis de Pombal (1699–1782) is associated with the modernization of Portugal, the restoration of Lisbon after a massive earthquake, and the expulsion of the Jesuits from the country.

²³ Karp, "A Teutonic Knight in Russia in 1774," 257. The article by S.Ya. Karp says that at the beginning of the journey Zinzendorf was guided by the "Map of Poland" by Rizzi-Zannoni (1772). What map his brother got for him is yet to be found out.

journey. The quickness at which 1000 ducats allocated for the trip were sent to the office on May 1, and to the Trade Council where the count served, on May 6, reflect credit upon the Austrian administration. On May 6, Joseph II personally instructed Zinzendorf about the upcoming trip. From now on, on the daily basis he met the Polish citizens who resided in Vienna and people who had extensive knowledge of the subject of his interest (fol. 46).

The journey

On May 15, after midnight, Karl Zinzendorf departed from Vienna for a long journey in his own carriage. As usual, he travelled by post roads, making an exception only for those places that he specifically wanted to see. He stopped only to eat and to change horses, and rode day and night as far as Krakow where he was already expected, the reception being prepared. As Galicia was occupied by the Austrian troops at that time, the local military command was responsible for receiving the guest.

On May 28, 1774, the count arrived in Lemberg (at present Lviv, Ukraine) and spent a little more than two weeks in Galicia (fol. 46).²⁴ On June 14, he continued his journey to Poland and on July 4 he arrived in Warsaw, where he was received by the Austrian ambassador (and also an outstanding orientalist) Károly Reviczky.²⁵ Zinzendorf stayed in his residence while waiting for the Portuguese duke. Almost every evening he dined with the Russian ambassador Otto Magnus von Stackelberg.²⁶ In order to continue the journey to Russia, the count asked him for a map and letters of recommendation, and for any information that might be useful on the road as well. On July 14, Braganza appeared in Warsaw, and on July 20 they continued their way together (20.VII.1774. fol. 100).

They travelled in two carriages, the duke with two servants, and Zinzendorf, accompanied only by one coachman. They tried to go as quickly as possible, rarely stayed overnight in cities, and much more often spent the night in carriages. On July 30, they arrived to the regions, which in 1772, after the partition of the Polish–Lithuanian Commonwealth, joined the Russian Empire (30.VII.1774, fol. 109).²⁷ In

²⁴ É. Ághné Ring, “Karl von Zinzendorf a 18. század nagy utazója és 1774-es galíciai utazása,” in *Kelet-európai sorsfordulók*, ed. J. Juhász, et al. (Budapest: L’Harmattan Kiadó, 2016), 15–24.

²⁵ Count Károly Reviczky (1737–1793) was a Hungarian nobleman, politician, and diplomat. He was an outstanding but unfairly forgotten orientalist. He knew many languages and served at Austrian embassies in Constantinople, Warsaw, Berlin, and London.

²⁶ P.S. Wandycz, *The price of freedom: a history of East Central Europe from the Middle Ages to the present* (L.; NY: Routledge, 2001), 128. After ratifying the treaty on the First Partition of the Polish–Lithuanian Commonwealth on August 5, 1772, Otto Magnus von Stakelberg was appointed Russian ambassador to Warsaw. In fact, he ruled on behalf of Catherine II.

²⁷ About the role of Prince Mikhail Nikitich Volkonsky (1713–1788) in the First Partition of the Polish–Lithuanian Commonwealth, see P.V. Stegnii, *Partitions of Poland and the diplomacy of*

the diary, the count called these regions “the new Russia” (“nouvelle Russie”). There, they only had their passports checked; the real customs inspection took place at the old Russian border in Smolensk, where the travellers arrived on August 1. They presented a letter from Stackelberg to the commandant, and he ordered to harness horses for them and to provide them with a guide (fol. 111–112). The travellers spent the night at the local inn and the next day they continued their journey. There was hardly a when either of the travellers’ carriages broke down and they had to lose time waiting for it to be repaired. If there was no inn nearby, they slept in the open air. On August 6, upon their arrival in Moscow, Zindendorf was forced to leave his carriage at the repair shop so that it could be thoroughly repaired.

In the ancient Russian capital

On August 6, at around 9.30 in the morning, the travellers saw a large city in front of them and heard bells ringing. In the east, the riverbed of the Moskva River could be seen, and they were blinded by the glitter of the church domes gilding. The travellers made a small stop to enjoy the view. Afterwards, they went down and crossed the river by a pontoon bridge. As soon as the carriages left the bridge, the gendarmes searched the carriage of Zinzendorf (fol. 116–117). The procedure did not take much time, and our heroes continued their journey. On starting to look for their accommodation, they immediately witnessed an unforgettable scene. The door of one of the buildings suddenly opened, and a naked woman ran outside to hide from view on the opposite side of the street. The travellers decided that there was a steam bath in the building, a banya. Having no time to recover from what they had seen, they made several steps and saw a whole crowd of completely naked women surrounded by barely dressed men in the courtyard of the building. Twelve–thirteen-year-old naked girls and boys continued to run out of the building. What they saw made an imprint in their memory and later they repeatedly tried to find an explanation for that but the people they asked avoided a direct answer, saying that nothing unacceptable had happened there (fol. 117).²⁸

It was difficult for the travellers to find their way in such a big city. People who passed by did not speak German and could hardly show them the way. The Portu-

Catherine II [in Russian] (Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002), 120–24. According to the First Partition in 1772, Russia received a relatively small territory with a predominantly Russian (Belarusian) population. “The moderation of the appetites” of the empress was allegedly explained by the fact that for her the results of the peace treaty with the Turks were of more importance, which also follows from the conversations of Zinzendorf with the leading Russian politicians and generals.

²⁸ For more on the fact that it was a typical reaction of many foreigners who entered the city center along the “living” Moskvoretsky (of Moskva River) Bridge past public bathhouses, see Karp, “A Teutonic Knight in Russia in 1774,” 269.

guese duke left near the palace of Razumovsky.²⁹ Zinzendorf continued his way to the German Quarter Nemetskaya sloboda, the direction to which was shown to him by a French haberdasher and an Italian passer-by. He passed the Kremlin, then Kitay-Gorod, and arrived at his destination at noon. The count rented two rooms on the ground floor in the house of a wine merchant (in the diary he is referred to as “Louis, marchand de vin”, fol. 117). After a few hours of rest after the journey, the councillor went to look for the Rüdiger’s bookshop.³⁰

In the afternoon, the aide-de-camp of Prince Volkonsky arrived with a dinner invitation.³¹ Earlier, the count learned from Mr. Rowand,³² partner of Thompson, that the war with the Turks was over. Field marshal Rumyantsev³³ won a brilliant victory over the Sultan’s army, which contributed to the conclusion of peace on favourable terms. As Zinzendorf learned later during the dinner, the signing of a peace treaty was timely, because the uprising led by Yemelyan Pugachev was expanding (6.VIII.1774, fol. 117–118).

In the evening, Zinzendorf went for a walk with the Duke of Braganza. They visited the palace of Count Orlov, which Zinzendorf found a true architectural masterpiece. The facade was crowned with peristyle decorated with columns. The palace was located on the island surrounded by the Yauza River on one side.³⁴ The travellers

²⁹ It is unclear which of the palaces is meant here; possibly it is the palace of K.G. Razumovsky in Romanov Lane. The plot of land where the palace was built belonged to the Naryshkin family and then the Razumovskys sold it to N.P. Sheremetev. <https://il-ducess.livejournal.com/77211.html.cutid1>

³⁰ S.Ya. Karp wrote in detail about the visit to this bookshop in the article cited above, see Karp, “Les livres et les gens du livre,” 69. Christian Rüdiger was a typographer, bookbinder and bookseller from Leipzig, who lived in Moscow since 1762. In 1794–1800, he rented a university print shop. According to Frederick Barbier, he was also a representative of *Société typographique de Neuchâtel en Russie*, the Typographic Society of Neuchâtel in Russia, see F. Barbier, “La librairie parisienne, la Russie et les puissances du Nord au XVIIIe s.: l’invention de la médiatisation,” in *Vek prosveshchenia*, ed. S.Ya. Karp (Moscow: Nauka, 2006), 199.

³¹ Mikhail Nikitich Volkonsky, Moscow commander in chief in 1771–1780.

³² Scotsman James (Yakov Yakovlevich) Rowand was a Moscow banker and merchant, a junior partner in Thomson Rowand & Co together with John Thompson, who ran a branch in St. Petersburg. In 1771–1799, he lived in a luxurious residence in the German Quarter (Nemetskaya Sloboda), which he then sold to the merchant Skvortsov and moved to Bolshaya Lubyanskaya Street. According to one of the unconfirmed hypotheses, it was the house where A.S. Pushkin was born. See L. Vinogradov, “Childhood years of Alexander Sergeevich Pushkin in the German Quarter and in the Gardeners of Kharitoniya” [in Russian], accessed Jan. 02, 2019, <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=3an9q28bAKo%3d&tabid=10358>. Cf. <https://stapelia2784.livejournal.com/835.html>.

³³ Count Peter Ivanovich Rumyantsev (1725–1796) was a brilliant commander, a hero of the Russian-Turkish war of 1768–1774.

³⁴ The palace of Alexei Grigorievich Orlov (1737–1808), also known as the Slobodskoy Palace was erected for the great chancellor Alexei Petrovich Bestuzhev-Rumin (1693–1766), who was ex-

crossed the river by a wide bridge. On the left, in the distance, the bathhouse they had seen upon their arrival could be noticed. On the other side, one could see the building of the hospital erected following the order of Peter I, with a linden alley and a forest that began right behind the garden, and with paths leading to the palace of Count Golovkin.³⁵ Zinzendorf referred to the new palace complex under construction on that site as Ekaterinhof (fol. 117–118).

The travellers came to the ruins of the old royal palace which burned down 22 years earlier.³⁶ Zinzendorf noted that its location was very successful: it had a view of the whole city of Moscow. Nearby was a massive wooden pavilion, where opera performances were held.³⁷ Its gates overlooked the Yauza river. Not far away stood the Shuvalov Palace, which by that time had been already bought by Demidov.³⁸ As Zinzendorf noted, the facade mostly spoke of a very bad taste, small sculptures designed to adorn it were barely distinguishable (fol. 117–118). In the park, there were statues, cast of iron and bronze. Farther in the distance there was a large artificial pond, which required a lot of water. In the alleys of the park there were several hidden pavilions used to accommodate guests. Those pavilions were connected with the garden galleries by means of two bridges. At the end of the path, “great ponds between the city and the river shimmered with glittering water on the horizon; all that was very beautiful, but it would be even better if, despite the local climate, not only frogs could splash in those ponds,” the count wrote in his diary (fol. 117–118).

iled and deprived of estates in 1757. Orlov, who received the palace as a gift from Catherine II, practically did not live there. Now the tributaries of the Yauza River are kept underground and enclosed in sewers. The building belongs to Buaman Moscow State Technical University. See *Moskva 24*, accessed Jan. 1, 2019, <https://www.m24.ru/articles/Baumanskaya/02122014/61042>

³⁵ Apparently, Zinzendorf confused Golovkin with Golovin. The remark might be about the palace erected by Fyodor Alekseevich Golovin (1650–1706), the first Russian field marshal and head (chancellor) of the Foreign Affairs Collegium. Later, the Moscow residence of Anna Ioanovna was located there. Catherine II ordered to demolish everything and to build a new palace in the style of classicism.

³⁶ It was the wooden palace of Elizaveta Petrovna that burned down in 1753 i.e. not 22 but 21 years earlier.

³⁷ It is unclear what performance Zinzendorf wrote about. The first opera performance took place on December 11, 1731 in Moscow on the occasion of the coronation of Anna Ioannovna. The Italian troupe of the Saxon Prince Elector and the Polish King Augustus II presented the comic opera of Giovanni Ristori “Calandro.” Since then, opera has been “registered” in Russia, but most performances took place in St. Petersburg. See M. Ritzarev, *Eighteenth century Russian music* (L.; NY: Routledge, Taylor and Francis Group, 2016), 39–47. It is also known that a German troupe played on the stage of the Demidov Theater. See *Otzyv.ru*, accessed Jan. 1, 2019, <https://www.otzyv.ru/read.php?id=172022>.

³⁸ Apparently, it was the Slobodskoy (Sloboda) Palace, which once belonged to A.I. Shuvalov. After the marriage of his only daughter, Catherine, the Palace belonged to Golovkin and, finally, was bought by Nikita Akinfievich Demidov (1724–1789). See <https://www.otzyv.ru/read.php?id=172022>; <https://www.liveinternet.ru/users/4000579/post248353366>.

The next morning, Zinzendorf made new entries in his diary and went to the matins. After that, the merchant Thompson invited him and the Duke of Braganza to his house, built in English style. They talked about the uprising of Pugachev. About 11 o'clock in the morning, they got into the carriage and went to the Kremlin. On the way, they came across unpaved stretches of road three times, but in the end, the whole company reached the Ivan the Great Bell Tower. They climbed into the belfry, and a magnificent, breath-taking scene appeared before their eyes. Zinzendorf stated that the city looked much more beautiful from afar than from a short distance, because the Kremlin is small and surrounded by houses of a pitiful sight. Here was the centre of the city, from the bell tower one could clearly see the Moscow River flowing through the city. Navigation was very active. Being at the top, the count carefully considered the layout of the Kremlin, but did not find anything outstanding in it. The complex of the Moscow Orphanage, being built in Bely Gorod, which could be seen in the distance, seemed to him much more impressive. From above, the walls separating the Kremlin from Kitay-Gorod and Kitay-Gorod from Bely Gorod were clearly visible. The outlines of the churches emerged on the horizon (fol. 117–118). Coming down from the bell tower, the travellers examined the huge bell, which weighed 12 thousand poods (about 200 tons) and cracked during the Great Fire of 1737. Having walked around it, the travellers saw that the perimeter of the bell was 30 feet. They even climbed inside to see how high it really was. From inside it was decorated with beautiful reliefs; Tsar Alexei Mikhailovich was depicted on one side and a moulded cartouche with an inscription was on the other. After the walk everyone went home (fol. 117–118).

Prince Volkonsky invited Zinzendorf to dinner at his estate,³⁹ located 7 miles from the city.⁴⁰ Its owner was Moscow Commander-in-Chief, a senator, a member of the Commission for drawing up a new legal code, *Ulozheniye*. When Zinzendorf arrived, the guests had already gathered in the pavilion, where a dancer entertained them with dances. From the garden, there was a magnificent view of Moscow and the Kremlin. The councillor was introduced to the head of Moscow Province, Count Osterman,⁴¹ under whose leadership were 7 counties, 30 cities and approximately 2.5 million male souls. The count was very proud that since 1724 the population of the province had increased by 1 million people (7.VIII.1774. fol. 119).

In the middle of the evening, having travelled 200 miles from the banks of the Danube,⁴² Prince Repnin⁴³ and Count Vorontsov⁴⁴ arrived at the dinner. Zinzendorf

³⁹ M.N. Volkonsky (see footnote 32).

⁴⁰ Most likely, it is Ramenskoye Estate.

⁴¹ <http://ostermanniana.ru/index.html>, accessed Jan. 2, 2019. Count Fyodor Andreevich Osterman (1723–1804), the son of the late Chancellor Andrei Ivanovich Osterman.

⁴² Peace treaty of Kuchuk-Kainarji.

already knew them both from Vienna. They spent nine days on the road to deliver a copy of the peace treaty signed by the Turks. According to the final agreement, Russia received 3 fortresses in the Crimea and free navigation in the Black Sea. The border between the two empires continued along the Bug River. Bessarabia, Moldavia, and Wallachia retained their vassal dependence on the Sublime Porte but the residents received wide privileges (fol. 119). A special joy was caused by the news that the Russian treasury should be refilled with 4.5 million gold roubles. Zinzendorf wrote that, looking at Prince Repnin, no one would say that this was the tyrant of the Polish–Lithuanian Commonwealth. There, at the dinner party, Zinzendorf met Osterman, the manager of the church estates,⁴⁵ and the famous Miller, the head of the archive of the Collegium of Foreign Affairs, who worked on the history of the Russian state.⁴⁶ Zinzendorf had a long conversation with him and received a map of Novgorod Governorate as a gift.

In the morning of August 8, Zinzendorf wrote a letter to Prince Joseph Maria Karl Lobkowitz (1724–1802), the imperial ambassador to St. Petersburg. The letter included invoices for 407 guilders spent during the trip from Warsaw to Moscow. At 9 o'clock in the morning, he went with the duke and one of Miller's colleagues to inspect the Orphanage in Bely Gorod, the White City. The building, which he had admired from afar, turned out to be impressive on closer examination, but only one of its wings was fully completed. One thousand seven hundred neatly dressed and well-fed boys and girls lived here. Their dormitories and classrooms looked clean. The children were taught German, French, Italian, and Russian, as well as drawing, singing, and solfeggio. They were also trained in good morals and good manners. The director seemed to be a very good man. In the salon, the guests examined the portraits of the patrons of the establishment. Among them were the Princess of Hesse-Homburg,⁴⁷ and a peasant from the serfs of Count Sheremetev⁴⁸ who had donated 100

⁴³ Prince Nikolai Vasilievich Repnin (1734–1801) was a Russian General, who played an important role in the First Partition of the Polish–Lithuanian Commonwealth. In the second half of the 1760s he practically ruled Poland on behalf of Catherine II. Repnin arrested five prominent deputies who refused to submit to the will of the Russian autocrat, and sent them to serve their sentence in Kaluga. That is why Zinzendorf wrote in his diary that Repnin was a tyrant of Poland. See É. Ring, *“Lengyelországot az anarchia tartja fenn?”* (Budapest: ELTE, Eötvös Kiadó, 2001).

⁴⁴ Count Semyon Romanovich Vorontsov (1744–1832), later an ambassador to Vienna and London, distinguished himself in battlefield during the Russian-Turkish war.

⁴⁵ Apparently, it is Ivan Andreevich Osterman (1725–1811), the second son of the late Chancellor, appointed senator in 1774. See <http://ostermanniana.ru/index.html>

⁴⁶ Gerhard Friedrich Müller (Fyodor Ivanovich Miller) (1705–1783) was a historian and archaeologist, member of the Russian Academy of Sciences. He was an inspector of the Moscow Orphanage. See Karp, “Les livres et les gens du livre,” 68.

⁴⁷ Countess Anastasia Ivanovna Trubetskaya (1700–1755), the daughter of Field Marshal Prince I.Yu. Trubetskoy, was also known under her married name as Princess of Hesse-Homburg.

thousand roubles to the Orphanage. The pupils addressed the guests with greetings, the Duke of Braganza – in French and Italian, and Zinzendorf – in German (fol. 120). The Councillor of Commerce highly appreciated this gesture because he had heard how difficult this language was for Russians.

En route the travellers were talking about carriages. They were amazed at how often they saw horses of various colours at post relays. Obviously, seeing a beautiful horse was quite common. The guests headed for the Kremlin again, where they visited the Assumption Cathedral, the place of the coronation of Russian tsars. Their eyes were attracted by a massive silver chandelier in the shape of a crown and an icon of the God Mother, painted by the Evangelist Luke.⁴⁹ Then, the travellers visited the Cathedral of the Archangel, the burial place of the tsars, including the son of Ivan the Terrible, who was killed, as Zinzendorf writes, by Boris Godunov and later canonized.⁵⁰ Bearing in mind the Pugachev rebellion,⁵¹ Zinzendorf noted that the late husband of Catherine II had not been buried as it was supposed to bury the tsars, therefore the people believed that Peter III was not dead. In the cathedral, Zinzendorf noticed a woman paying a priest to pray for her deceased husband. “The temples were richly decorated,” the count wrote in the diary, “there was a lot of gilding, and icons were everywhere.” (fol. 120)

After the tour of the Kremlin, the travellers visited Osterman, who attacked them with unwanted advice. In the afternoon they went to Prince Volkonsky, where they met Count Panin.⁵² Then the travellers drove three miles to see the Novodevichy Convent. They found its location very beautiful because the convent was erected at the foot of a hill in the middle of a green field. Due to the fact that it was the feast day of the Smolensk Icon of Our Lady, men were allowed into the convent and the guests

I.I. Betskoy, who initiated the establishment of the Moscow Orphanage, was the natural son of Prince I.Yu. Trubetskoy and the half-brother of Princess of Hesse-Homburg.

⁴⁸ Most likely, it was a serf of Count Peter Borisovich Sheremetev (1713–1788), but it is unknown who exactly.

⁴⁹ Presumably, it is the Theotokos of Vladimir, also known as Vladimir Mother of God. About the legend linking its appearance with the name of the evangelist, see <https://aleteia.org/2017/10/18/4-icons-of-mary-attributed-to-st-luke-the-evangelist/>.

⁵⁰ Here Zinzendorf meant St. Dimitri Uglichsky and the legends about his mysterious death. See <http://pravoslavie.ru/87081.html>.

⁵¹ Emelyan Pugachev claimed that he was Peter III who had managed to happily escape death. Referring to the decrees by Peter III which protected peasants from the arbitrary rule of landlords, for propaganda purposes Pugachev also declared that he wanted to liberate Russian peasantry.

⁵² Count Nikita Ivanovich Panin (1718–1783) was an advocate of the formation of the Northern Alliance of Russia, Prussia, Poland, Sweden and Great Britain and aimed at weakening the influence of France. In 1762–1783 his influence was decisive for foreign policy but he opposed the partition of the Polish–Lithuanian Commonwealth. Gradually, he lost his influence, particularly after the improvement in Russian–Austrian relations because Joseph II disliked him. See <https://russiapedia.rt.com/prominent-russians/politics-and-society/nikita-panin/>.

were able to inspect it from the inside. They were surprised that Russian women could kowtow up to one hundred times in front of each icon and prayed for a long time. Tents were set up around the convent and numerous visitors enjoyed themselves, sang, and ate (fol. 120–121).

After that, the travellers went to John Tames,⁵³ a merchant who lived in the house furnished with luxurious English-style furniture. From there, one could get a beautiful view of the Demidov Palace complex. At the very horizon, the forest was thickening and over it the domes of bell-belfries rose here and there. Continuing their walk, the travellers briefly stopped at the top of the hill to watch the carts moving up and down. Most of them were not carriages but simple single-horse carts. Many of the women who sat in the passing carts seemed beautiful to them (8.VIII.1774. fol. 121).

In the evening, the count and the duke went to one of the churches where the sacrament of wedding was being administered. The ceremony seemed unusual to them, because in the beginning, while the service was going on, the couple getting married stood outside the altar space. Then the bishop took their hands and led them to the altar. There, the priest in white vestments gave them the cross and the Bible to kiss thrice, put crowns on their heads and led them in circle three times. During all that time the parishioners exclaimed, “Lord, have mercy!” At the end of the long ceremony the groom kissed the bride on the mouth. Then the priest led them to the altar where the young people crossed themselves and let their lips on the icons. Then they thanked their parents and bowed to them. Zinzendorf noted that the couple were dressed after the French fashion, but the clothes themselves were very poorly made (fol. 121).

In the morning of August 9, the travellers learned that they had no carriage to continue their journey. Invitations from Sheremetev and Volkonsky arrived. Soon Miller called for them to take them to the Kremlin in the pouring rain. The scholar showed them rich collection of ancient weapons, harness, helmets and chain mails. Everything was richly decorated with gold, silver, and pearls. From there they proceeded to the treasury where they saw the Crown of Monomakh and other crowns of the Russian sovereigns. The guests admired the ivory-decorated throne of gold, a coronation sword and a double throne made for Ivan V and Peter I. They saw the coronation robes and the wooden layout of the Kremlin.

After that Miller took them to the archive, showed a letter from Emperor Maximilian I in which he addressed the Moscow sovereign as the Emperor. Queen Elizabeth of England called the Tzar King (9.VIII.1774. fol. 122).

Coming out of the archive, the travellers braved the endless rain to walked around the shops of Kitay-Gorod and did shopping. They bought nightcaps and silk scarves made in Russia like those which were worn by and, according to the count, suited

⁵³ Karp, “A Teutonic Knight in Russia in 1774,” 261.

perfectly to Russian women. After that the travellers went to the bookseller Weber⁵⁴ and then to a large pharmacy. It turned out to be a huge building with a black dragon on the roof (fol. 122).

In the morning of August 10, Zinzendorf purchased a road hat, which cost him dearly. After 10 o'clock in the morning, together with the duke, he crossed the bridge over Yauza, proceeded past the imperial hospital, crossed the forest and rode out onto a large meadow. On the way, they often encountered Cossack guard patrols. They arrived in Kuskovo, an estate of Count Peter Borisovich Sheremetev, and visited a hot-house there. The count was not yet dressed, so the guests began to look at the portraits of Russian Tsars and found Anna, the daughter of Peter the Great and the mother of Peter III, very attractive. Soon the host came out to meet them, and they had dinner. After dinner, Sheremetev showed his residence to the guests. The palace was located on the banks of a magnificent pond; there were a belvedere, a stable, several buildings in different styles (Italian, Dutch, and Chinese), a hermitage, an English park and a French park with a maze. However, after that the tour was not over. Count Sheremetev had a luxurious hunting park with rare animals such as Siberian black wolf and hares, roes, and deer lived on the loose in the estate. The tour was over only at 7 o'clock in the evening. The guests found the owner a pleasant person, not too harsh but not too affectionate, and at the same time proud of his fortune, estimated at 400 thousand roubles. A German baron served at his place as a major domo. Mr Essig,⁵⁵ principal supervisor of the Orphanage, and Miller, who came to see the genealogical works of Zinzendorf (10.VIII.1774. fol. 123) were also present at dinner.

In the morning of August 11, the guests asked an invoice from their landlord, the wine merchant, and paid the workers for the repair of Zinzendorf's carriage. They rode in the carriage to Miller to say goodbye. Aide-de-camp of Prince Volkonsky sent a sergeant with them to accompany them en route. At 5 o'clock in the afternoon their carriage drove past the bathhouses on the bank of the Yauza River again. The first bathhouse was for men only. The men were served tea with milk and honey. Sitting on the benches, they whipped each other on the backs with bath besoms. The second bathhouse was also located on the bank of the river, but it consisted of two halves, one for males and another for females. They also whipped each other with bath besoms.

⁵⁴ Christian Ludwig Weber, the curator of Moscow University library, a Dane, lived in Moscow since 1760. See Karp, "Les livres et les gens du livre," 69–70; N.A. Kopanev, *French book and Russian culture in the middle of the eighteenth century* [in Russian] (Leningrad: Nauka, 1988), 141–42, 146.

⁵⁵ Possibly, Anton Ivanovich von Essig (Essen), second major, who held the post of the principal supervisor in 1776–1778. (For more, see V.A. Krasuskii, *Kratkii istoricheskii ocherk Moskovskogo vospitatel'nogo doma* [Brief historical overview of the Moscow Orphanage] (Moscow: Tip. B.Ya.Barbei, 1878), 24)

At 6 o'clock in the evening, the travellers left the Russian capital and headed for St. Petersburg (fol. 123).

In conclusion, we can say that, of course, Karl Zinzendorf did not like everything he came across in Russia, but his general impressions of the country turned out to be positive. Like no one else, he felt the dynamism of economic and social development which had not been observed in Austria so far. In Moscow of 1774 he saw a huge, developing, and bustling city. The councillor of commerce was clearly interested not only in monuments and ancient traditions, but also in such signs of modernization as the Orphanage, the architecture of the noble estates and the range of goods in countless shops of Kitay-Gorod. Although the signs of change were not as obvious here as they were in St. Petersburg later, Zinzendorf found the city neither sleepy nor isolated from the outside world. Modernization that unfolded in the Russian empire did not pass by Moscow.

Список литературы

Карп С.Я. Тевтонский рыцарь в России 1774 года // *Общественная мысль в контексте истории культуры* / Отв. ред. О.Ф. Кудрявцев. М.: Наука, 2004. С. 253–276.

Копанев Н.А. Французская книга и русская культура в середине XVIII века. Л.: Наука, 1988. 160 с.

Павленко Н.И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 1999. 496 с.

Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II, 1772–1793–1795. М.: Международные отношения, 2002. 696 с.

Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. Москва: Языки русской культуры, 2000. 114 с.

Ághné Ring É. Karl von Zinzendorf a 18. század nagy utazója és 1774-es galíciai utazása [Путешествие великого путешественника XVIII в. Карла Цинцендорфа в Галицию в 1774 г.] // *Kelet-európai sorsfordulók [Восточноевропейские первопроходцы]* / Szerk. J. Juhász, E. Bartha, Á. Fóris, B. Mezei, É.K. Nagy, K.E. Szuda. Budapest: L'Harmattan Kiadó, 2016. 15–24. old.

Balázs É. Karl von Zinzendorf et ses relations avec la Hongrie à l'époque de l'absolutisme éclairé, Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975. 22. old.

Barbier F. La librairie parisienne, la Russie et les puissances du Nord au XVIIIe s.: l'invention de la médiatisation // *Век Просвещения* / Под ред. С.Я. Карпа. М.: Наука, 2006. С. 190–212.

Bély L. Les relations internationales en Europe XVIIe – XVIIIe siècles. Paris: Presses Universitaires de Paris, 1992. 773 p.

Europäische Aufklärung zwischen Wien und Triest: Die Tagebücher des Gouverneurs Karl Graf von Zinzendorf 1776–1782 / Hrsg. von E. Faber, G. Klingenstein, A. Trampus et al. 4 Bde. Wien: Böhlau, 2009. 2011 S. (Veröffentlichungen der Kommission für Neuere Geschichte Österreichs. Bd. 103).

Faber E., Garms-Cornides E. Die «Entdeckung» Siziliens zwischen Kreuzfahrt, Kommerzreise und Grand Tour. Zinzendorf versus Riedesel // *Grand Tour: adeliges Reisen und europäische Kultur vom 14. bis zum 18. Jahrhundert* [colloque, Villa Vigoni-Paris, 1999–2000] / Éd. R. Babel, O.J. Thorbecke. Ostfildern: Thorbecke, 2005. S. 341–356.

Fattinger E. Gestaltung und Gewinn einer «Auftragsreise»: Karl Graf Zinzendorf in Großbritannien (1768) // *Europareisen politisch-sozialer Eliten im 18. Jahrhundert. Theoretische Neuorientierung–kommunikative Praxis–Kultur- und Wissenstransfer* / Éd. J. Rees, W. Siebers, H. Tilgner. Berlin: Berliner Wissenschaftsverlag, 2002. S. 129–158.

Harbecke U. Das Tagebuch des Grafen Karl von Zinzendorf und Pottendorf als theatergeschichtliche Quelle. Bonn: R. Schwarzbild, 1969. 153 S.

Karp S. Les livres et les gens du livre dans le voyage de Karl von Zinzendorf en Russie (1774) // *La prosopographie des hommes du livre. Actes du colloque organisé à l'enssib, Villeurbanne, par le Centre de Recherche en Histoire du Livre les 22 et 23 avril 2005* / Ed. F. Barbier, D. Varry, J. Guilbaud. P. 62–74. URL: <https://www.enssib.fr/bibliotheque-numerique/notices/1459-la-prosopographie-des-hommes-du-livre> (дата посещения 8.12.2018).

Klingenstein G. Karl von Zinzendorf, un économiste autrichien en France, 1764–1769 // *Mozart: les chemins de l'Europe. Actes du Congrès de Strasbourg 14–16 octobre 1991* / Dir. B. Massin, Strasbourg: Éd. du Conseil de l'Europe, 1997. P. 71–75.

Klingenstein G. Spanien im Horizont der österreichischen Aufklärung. Zinzendorfs Kommerzialreise nach Spanien im Jahre 1767 // *Geschichtsforschung in Graz: Festschrift zum 125-Jah Jubiläum des Instituts für Geschichte der Karl-Franzens-Universität Graz* / Éd. H. Ebner, H. Haselsteiner, I. Wiesflecker-Friedhuber. Graz: Selbstverlag des Instituts für Geschichte an der Karl-Franzens-Universität Graz, 1990. S. 115–126.

Lebeau Ch. Aristocrates et grands commis à la Cour de Vienne, 1748–1791: le modèle français. Paris: CNRS Éditions, 1996. 645 p.

Lebeau Ch. La conversion de Karl von Zinzendorf: affaire d'État ou affaire de famille // *Revue de synthèse (4e série)*. 1993. № 3–4. P. 473–495.

Link D. Vienna's private theatrical and musical life, 1783–92, as reported by Count Karl Zinzendorf // *Journal of the Royal Musical Association*. 1997. № 122/2. P. 205–257.

Ring É. Lengyelországot az anarchia tartja fenn? [Польшу сохраняет анархия?] Budapest: ELTE, Eötvös Kiadó, 2001. 168. old.

Ritzarev M. Eighteenth century Russian music. London; New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2016. 388 p.

Trampus A. All'orizzonte degli slavi del sud: Sigismondo Zois e Karl von Zinzendorf // *Münchener Zeitschrift für Balkankunde*. 1993. № 9. P. 45–52.

Trampus A. Dalla storia delle idee alla storia della musica: il diario del conte Zinzendorf come fonte per una ricerca interdisciplinare // *Recercare*. 1993. № 5. P. 153–169.

Trampus A. Economia e stato delle riforme nel litorale austriaco dal diario del conte Zinzendorf (1771) // *Archeografo Triestino*. 1990. T. 50. P. 67–106.

Trampus A. Karl von Zinzendorf tra Maria Teresa e Giuseppe II // *Quaderni giuliani di storia*. 1993. T. 14. P. 45–55.

Trampus A. Le comunicazioni tra il Veneto e l'area germanica in età moderna: dalle missioni diplomatiche ai viaggi del conte Zinzendorf // *Atti del convegno "La storia e le tradizioni del Veneto. Le relazioni e le forme della comunicazione tra l'area veneta e il mondo germanico," CastelBrando – Cison di Valmarino 28.09.2002*. Venezia: Regione del Veneto, 2003. P. 121–158.

Wandycz P.S. The price of freedom: a history of East Central Europe from the Middle Ages to the present. London; New York: Routledge, 2001.

Watzlawick H. Un été pluvieux dans la vie du comte de Zinzendorf. Souvenirs météorologiques d'un voyage en Suisse // *C'est la faute à Voltaire, c'est la faute à Rousseau [Mélanges Jean-Daniel Candaux]* / Éd. R. Durand. Geneva: Droz, 1997. P. 141–153.

Wien von Maria Theresia bis zur Franzosenzeit: aus den Tagebüchern des Grafen Karl von Zinzendorf / Ausgewählt von H. Wagner. Wien: Wiener Bibliophilen Gesellschaft, 1972. 238 S.

References

Ághné Ring, É. “Karl von Zinzendorf a 18. század nagy utazója és 1774-es galíciái utazása” [Karl von Zinzendorf, a great eighteenth-century traveller and his 1774 journey to Galicia]. In *Kelet-európai sorsfordulók* [East-European path-breakers], edited by J. Juhász, E. Bartha, Á. Fóris, B. Mezei, É.K. Nagy, K.E. Szuda, 15–24. Budapest: L’Harmattan Kiadó, 2016. (In Hungarian)

Balázs, É. *Karl von Zinzendorf et ses relations avec la Hongrie à l’époque de l’absolutisme éclairé*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975.

Barbier, F. “La librairie parisienne, la Russie et les puissances du Nord au XVIIIe s.: l’invention de la médiatisation.” In *Vek prosveshchenia* [The age of enlightenment], edited by S.Ya. Karp, 190–212. Moscow: Nauka, 2006.

Bély, L. *Les relations internationales en Europe XVIIe – XVIIIe siècles*. Paris: Presses Universitaires de France, 1992.

Faber, E., G. Klingenstein, and A. Trampus, eds. *Europäische Aufklärung zwischen Wien und Triest: Die Tagebücher des Gouverneurs Karl Graf von Zinzendorf 1776–1782. (Veröffentlichungen der Kommission für Neuere Geschichte Österreichs, Band 103)*. Vienna: Böhlau, 2009.

Faber, E., and E. Garms-Cornides. “Die „Entdeckung“ Siziliens zwischen Kreuzfahrt, Kommerzreise und Grand Tour. Zinzendorf versus Riedesel.” In *Grand Tour: adeliges Reisen und europäische Kultur vom 14. bis zum 18. Jahrhundert. Akten der internationalen Kolloquien in der Villa Vigoni 1999 und im Deutschen Historischen Institut Paris 2000*, R. Babel, O.J. Thorbecke, eds., 341–56. Ostfildern: Thorbecke, 2005.

Fattinger, E. “Gestaltung und Gewinn einer „Auftragsreise“: Karl Graf Zinzendorf in Großbritannien (1768).” In *Europareisen politisch-sozialer Eliten im 18. Jahrhundert. Theoretische Neuorientierung–kommunikative Praxis–Kultur- und Wissenstransfer*, edited by J. Rees, W. Siebers, H. Tilgner, 129–58. Berlin: Berliner Wissenschaftsverlag, 2002.

Harbecke, U. *Das Tagebuch des Grafen Karl von Zinzendorf und Pottendorf als theatergeschichtliche Quelle*. Bonn: R. Schwarzbild, 1969.

Karp, S. “Les livres et les gens du livre dans le voyage de Karl von Zinzendorf en Russie (1774).” In *La prosopographie des hommes du livre. Actes du colloque organisé à l’enssib, Villeurbanne, par le Centre de Recherche en Histoire du Livre les 22 et 23 avril 2005*, edited by F. Barbier, D. Varry, J. Guilbaud, 62–74. ENSSIB. <https://www.enssib.fr/bibliotheque-numerique/notices/1459-la-prosopographie-des-hommes-du-livre>.

Karp, S.Ya. “Tevtonskii rytsar’ v Rossii 1774 goda” [A Teutonic knight in Russia in 1774]. In *Obshchestvennaya mysl’ v kontekste istorii kul’tury* [Public thought in the context of cultural history], edited by O.F. Kudryavtsev, 253–76. Moscow: Nauka, 2004. (In Russian)

Klingenstein, G. “Karl von Zinzendorf, un économiste autrichien en France, 1764–1769.” In *Mozart: les chemins de l’Europe. Actes du Congrès de Strasbourg 14–16 octobre 1991*, edited by B. Massin, 71–75. Strasbourg: Éd. du Conseil de l’Europe, 1997.

Klingenstein, G. “Spanien im Horizont der österreichischen Aufklärung. Zinzendorfs Kommerzreise nach Spanien im Jahre 1767.” In *Geschichtsforschung in Graz: Festschrift zum 125-Jahr-Jubiläum des Instituts für Geschichte der Karl-Franzens-Universität Graz*, H. Ebner, H. Haselsteiner, I. Wiesflecker-Friedhuber, eds., 115–26. Graz: Selbstverlag des Instituts für Geschichte an der Karl-Franzens-Universität Graz, 1990.

Kopanev, N.A. *Frantsuzskaya kniga i russkaya kul'tura v seredine XVIII veka* [French book and Russian culture in the middle of the eighteenth century]. Leningrad: Nauka, 1988. (In Russian)

Lebeau, Ch. “La conversion de Karl von Zinzendorf: affaire d’État ou affaire de famille.” *Revue de synthèse* 4e série, no. 3–4 (1993): 473–95.

Lebeau, Ch. *Aristocrates et grands commis à la Cour de Vienne, 1748–1791: le modèle français*. Paris: CNRS Éditions, 1996.

Link, D. “Vienna’s private theatrical and musical life, 1783–92, as reported by Count Karl Zinzendorf.” *Journal of the Royal Musical Association*, vol. 122, no. 2 (1997): 205–57.

Pavlenko, N.I. *Ekaterina Velikaya* [Catherine the Great]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1999. (In Russian)

Ring, É. “*Lengyelországot az anarchia tartja fenn?*” [“Is Poland kept by anarchy?”]. Budapest: ELTE, Eötvös Kiadó, 2001. (In Hungarian)

Ritzarev, M. *Eighteenth century Russian music*. L.; NY: Routledge, Taylor and Francis Group, 2016.

Stegni, P.V. *Razdely Pol'shi i diplomatiya Ekateriny II, 1772–1793–1795* [Partitions of Poland and the diplomacy of Catherine II, 1772–1793–1795]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002. (In Russian)

Trampus, A. “All’orizzonte degli slavi del sud: Sigismondo Zois e Karl von Zinzendorf.” *Münchner Zeitschrift für Balkankunde*, no. 9 (1993): 45–52.

Trampus, A. “Dalla storia delle idee alla storia della musica: il diario del conte Zinzendorf come fonte per una ricerca interdisciplinare.” *Recercare*, no. 5 (1993): 153–69.

Trampus, A. “Economia e stato delle riforme nel litorale austriaco dal diario del conte Zinzendorf (1771).” *Archeografo Triestino*, vol. 50 (1990): 67–106.

Trampus, A. “Karl von Zinzendorf tra Maria Teresa e Giuseppe II.” *Quaderni giuliani di storia*, vol. 14 (1993): 45–55.

Trampus, A. “Le comunicazioni tra il Veneto e l’area germanica in età moderna: dalle missioni diplomatiche ai viaggi del conte Zinzendorf.” In *Atti del convegno “La storia e le tradizioni del Veneto Le relazioni e le forme della comunicazione tra l’area veneta e il mondo germanico,” CastelBrando – Cison di Valmarino 28.09.2002*, 121–58. Venice: Regione del Veneto, 2003.

Uspenskii, B.A. *Tsar’ i imperator: Pomazanie na tsarstvo i semantika monarshikh titulov*. [Tsar and emperor: consecration of tsar by sacred unction and semantics of royal titles]. Moscow: Yazyki russkoi kul’tury, 2000. (In Russian)

Wagner, H., comp. *Wien von Maria Theresia bis zur Franzosenzeit: aus den Tagebüchern des Grafen Karl von Zinzendorf*. Vienna: Wiener Bibliophilen Gesellschaft, 1972.

Wandycz, P.S. *The price of freedom: a history of East Central Europe from the Middle Ages to the present*. L.; NY: Routledge, 2001.

Watzlawick, H. “Un été pluvieux dans la vie du comte de Zinzendorf. Souvenirs météorologiques d’un voyage en Suisse.” In *C’est la faute à Voltaire, c’est la faute à Rousseau. Recueil anniversaire pour Jean-Daniel Candaux*, edited by R. Durand, 141–53. Geneva: Droz, 1997.